

Оксана
Алексеева

ДРЕВНЕЕ ЗЛО
в кресле дотса

Оксана Алексеева

Древнее зло в кресле босса

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Ах, эта чертова цивилизация! Разрушила целостность древней гробницы и выпустила наружу древнее зло. Но Зло решило повременить, оглядеться, что из себя представляет эта самая цивилизация. Оказалось оно на месте директора мармеладной фабрики – конец света складывается прекрасно. Но молодая уборщица заметила странное поведение начальника: ее теперь нужно или уничтожить, или поработить, сделав верной адепткой.

Такого ужасного босса мир еще не видел! Молодой девушке, подрабатывающей в его фирме уборщицей, поперек горла хамство и невоспитанность. Если бы она знала, кто перед ней, то и не пыталась бы отыскать черты порядочного человека.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	51
Глава 5	63
Глава 6	75
Глава 7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Оксана Алексеева

Древнее зло в кресле босса

Пролог

Чертова цивилизация! А ведь я даже не знал раньше этих слов – и нате, пришли на ум, как будто я тысячу лет впитывал все, что придумывали за это время людишки.

Осознание пришло далеко не сразу. Я так привык к вечному сну, что и раздражающий звук поначалу принял за игру подсознания. Но шум не прекращался, он проникал в гробницу, пробивался сквозь знаки и толстые стены, вливался в меня и будил, будил от многовековой дремоты. Я не открыл глаза – нечего было открывать, и не наострил уши – по причине их отсутствия, но очень захотелось потянуться. И раздражение было связано как раз с последней невозможностью. Я улавливал всем разумом скрежет и стон разрушающихся плит, а потом почти отчетливое:

– Что за хрень, ребят? Ковш заедает! Не похоже на твердый слой породы! Геодезиста крикните! Пусть хоть раз покажет, за что он зарплату получает...

Будь у меня бока, я непременно повернулся бы и продолжил спать, представляя теперь, что такое этот самый «ковш» и «что за хрень» здесь, действительно, происходит. Но лю-

дишки не унимались – это злило. Ведь я прекрасно понимал, что пробиться сквозь защиту им все равно не удастся – не для простых смертных она создавалась и не для их ковшей. Раз уж даже я не смог нарушить ее, а первые лет двести только тем и занимался. Но люди не меняются, они назойливы, как насекомые, и всегда ползут туда, куда их не звали, а останавливаться не умеют. Столько лет прошло, а эволюция стоит на месте.

Однако я действительно взбодрился, когда скрежет раздался совсем рядом. Прильнул к одной из холодных стен и тут же отшатнулся, однако царапина пошла – какой-то неведомой силой извне она нарушала целостность гробницы. Посыпалась древняя пыль. Но я безотрывно наблюдал за знаками – еще, еще немного, нужно хотя бы задеть царапинами древние защитные заклинания!

– Мать твою... – я вновь расслышал голос. – Чертовщина какая-то! Кто додумался закопать гроб посреди леса?!

– Да не ори ты! – это произнес другой мужчина. – Может, мы наткнулись на могилу какого-нибудь гребаного Чингисхана?

– Долбонат! – отрезал первый. – Ты в школе учился? Чингисхан жил в нескольких тысячах километров отсюда...

– Иди в жопу, Гриш. Меня сейчас колышет только, сколько мы государству должны за находку. И должны ли мы государству, если государство не узнает? О, геодезист, – он буркнул и крикнул в сторону: – Здрасьте, выпались? Ну пойдите

позавтракайте, а мы тут сами.

– Макарыч, нам трубы прокладывать надо, а не херней страдать! Может, вытащить и вывалить на обочину – пусть потом Петрович мозг ломает, что с этой инопланетной херней делать?

– Кусок идиота. Вишь, как блестит на трещине? Ставлю золотой зуб, что это гигантский слиток золота. Почернел просто. Прикинь, сколько бабла можно получить за глыбу инопланетного золота?

Чего они болтают? Копайте, копайте дальше! Этим своим ковшом да с размаху! Долбонаты! Целая группа долбонатов, которым лишь бы языками чесать, а не работать. Еще ни разу за тысячу лет я не испытывал такого буйного волнения – и знал точно, что если освобождение не удастся, я запросто могу спятить от тоски – она накрывает немислимой силой после настолько мощной надежды. Копайте!

Все-таки кто-то догадался запустить механизм, я вновь расслышал мерное тарыхтение – музыку, слаще которой я не слыхал. Я заставил себя расслабиться и приготовиться к какому угодно долгому ожиданию, лишь бы оно сопровождалось этим волнующим скрежетом. Тому, что разобрал их язык, не удивился – возможно, все мои сны были наполнены звуками растущей цивилизации: я впитывал их, не осознавая и не просыпаясь, и теперь они текли сквозь разум, сразу понимаемые в значениях. А «Гриш» отныне объявляется главным спасителем Зла – он будет вознагражден за подвиг.

Если только не сдастся до трещин по защитным знакам.

Они еще долго колупались, останавливались и обсуждали. Людей вокруг становилось все больше – и каждый из них подходил ближе с магическим заклинанием, произносимым с неизбежным придыханием: «Мать твою... Что это за хрень?». А меня вместе с гробницей толкало и качало редкими ударами. Я не шевелился и смотрел строго на крайний знак. Не проявил ни одной эмоции, когда меня подняли каким-то механизмом и под нецензурные крики снова опустили – уже в другое место. Люди не меняются – они учатся новым словам и прогрессируют, но остаются любопытными существами. Вскрывайте! Этого мало! Нет, точно не нужно ждать Петровича! Если мой голос учитывается в голосовании, то мы определенно обойдемся без Петровича, мои самые близкие друзья.

– Давай хоть одним глазком, а? – этот голос принадлежал второму главному спасителю Зла, имени которого я не слышал.

А вот Гришу пришлось низвергнуть с постамента – он несуразно сомневался во всем подряд:

– Народ, вы рехнулись? Фильмы про всякие раскопки не смотрели? Там может быть зараза, против которой у нас нет иммунитета!

Макарыч оказался более решительным:

– Ишь! Ты, блин, в школе отличником был? Задолбал умничать!

– Хорошистом... – растерялся Гриша.

– Ну так и сидел бы тогда директором какого-нибудь завода! А мы люди простые, мы без заучек обойдемся!

– Так я ж бульдозерист, Макарыч, как же вы без меня обойдетесь...

– Сгинь в бульдозер, Гриш, пока не пришиб. Коль, давай сначала ломом попробуем!

Не имею представления, чем они пробовали, но возились много часов подряд. Я не уснул только потому, что успел выспаться на тысячу лет вперед. Самый пронзительный визг какой-то пилы оказался самым полезным – поползли, закрутились трещины по краю, добираясь до знаков. И когда они наконец-то столкнулись, я замер на последнюю секунду, а затем заструился вверх и потек наружу. Оставшиеся знаки мешали, приходилось сжиматься до дымка толщиной в волосок, но магия заклятий разрушалась, она уже не была способна удержать меня. Я вырвался ввысь, в сумеречный воздух, расправил крылья и заорал во всю глотку – таким неопишуемым был мой восторг. Конечно, никто из людей меня не увидел и не услышал – ведь не было пока у меня тела и причитающихся ему голосовых связок. Но на мой крик отозвалось небо далеким громом – кто-то из рабочих вскрикнул, озираясь, и перекрестился.

Они суетились подо мной, все еще пытаюсь пробить ход в уже пустую гробницу. Она действительно была драгоценна – литое золото с серебряными путами. Людишки заслу-

жили свою награду... Но ведь и мне понадобятся средства на первые расходы. Потому следует растоптать всех и пойти осваиваться в новом для меня мире. Я уже вытянулся в плоскость, чтобы ударить сверху и зацепить сразу всех, но за палец до первой каски вдруг вспомнил, как вообще оказался в заточении.

Ведь я тогда тоже недооценил людей – не подумал, что кто-то из них способен обуздать настоящее Зло и запереть его на целую вечность. И нет же, небольшой монашеский орден, пусть и за счет многих жертв своих, с этим справился. А причина была в том, что люди не умеют останавливаться. Им, видите ли, не пришлось по душе мой сценарий конца света, вот они и бросили все жалкие силы на то, чтобы меня остановить. Вел бы себя тише, не афишировал бы планы – и все прошло бы как по маслу. А здесь получится сразу пара десятков трупов, которые найдут другие люди и объединятся в новый поход против меня. На этот раз я ошибку не повторю. Но так я соскучился по телу, что не смог себе отказать в единственной доступной радости: выбрал ближайшего мужчину и нырнул в него.

– Гриш, ты в норме? – кто-то хлопнул меня по спине.

Я улыбался самыми настоящими губами, но качал головой в ответ на вопрос. Вот тебе и награда, дорогой спаситель, век тебя помнить буду. Само собой, его души в теле не осталось – вылетела, спасаясь от могущественной злой силы. В рай, или куда они обычно от меня сбегают. Я же поднял ру-

ки, растопырил пальцы и засмеялся теперь от нахлынувших физических ощущений. Вот это уже мой рай!

– Эй, ты куда?

Мне все еще раздавались в спину голоса, но я не оборачивался. Так и топал в темноту, делая все более глубокие вдохи. Шагал в густую лесную чащу, все дальше и дальше от бардака, который люди устроили посреди зарослей. Что же они тут нагородили! Деревья выкорчевали, землю изранили своими машинами. Я удивлялся, но все еще смеялся от немыслимого запаха неожиданной свободы. Кто-то бросился вдогонку, пришлось спрятаться – благо наступающая ночь, моя извечная союзница, помогала. Оторвавшись от преследования, я стянул каску и бросил на землю, расстегнул шире ворот, а двигался все быстрее и быстрее, желая оказаться как можно дальше от места, которое за столько времени возненавидел.

Через несколько часов стал ориентироваться по запаху. Мне нужно понять, что вокруг происходит, как изменился свет и в каких богов сейчас верят, а для этого требуется людское поселение. Вот я и направился на запах человечины. Однако его опережал шум, похожий на рев тракторов и бульдозеров. Изумляясь, я не сменил направление, ведь цель оставалась той же.

Вышел на поселение лишь следующим днем. Тело мужчины устало, оно имело весьма ограниченный резерв прочности, но я не роптал – мое собственное тело уже давно ис-

тлело, и я рад любому подарку взамен, даже настолько никудышному. Но забыл о слабости, когда разглядел то самое... поселение. Домов было много, они громоздились один на другой, как будто людям больше не хватало места для строительства. Некоторые здания упирались в самое небо. Может, так цивилизация нашла самую близкую дорогу к раю? И все шумело вокруг, гудело оглушительно.

Я шел вперед, стараясь подражать окружающим. Машины – и это слово само собой пришло на ум – носились по гладким дорогам, а дома сияли стеклами, как зеркалами. И вокруг собирались все более шумные толпы. О, тьма, сколько же теперь людей? Может, уже сотни тысяч? Или все человечество по какой-то причине решило поселиться в одном месте?

И это была первая по-настоящему плохая новость. Если человеческая раса так сильно разрослась, то и на борьбу со мной найдется много желающих. Потребуется масса времени, чтобы влиться в этот мир, а до тех пор желательно не высовываться. Это тоже сложно. Высовываться – моя природа. Ее необходимо как-то унять – например, изображать, что я до сих пор наполовину сплю.

– Классные линзы, чувак! – бросил какой-то парень. И он был первым, кто обратил на меня внимание.

– Спасибо, чувак! – ответил я ему в тон.

Линзы – это что-то с глазами. Надо найти водоем и оценить, чем я поражаю прохожих: красным гневом, желтой

хитростью или черной тьмой, изменить окрас на что-то менее выразительное. Но пока надо придумать, с чего начинать. Я не жалкий раб и не бедняк, падающий в ноги землевладельцам. Времени у меня много – года и столетия, если никто не заподозрит, кто я есть. И я могу действовать неспешно, к примеру, узнаю, как вообще выглядят современные алтари для жертвоприношений и кому именно следует приносить жертвы.

Несколько дней я просто ходил по улицам и наблюдал, привыкал к разящему шуму и отмечал странности в поведении людей, подслушивал разговоры, сам задавал вопросы, на которые нередко отвечали, хоть и с удивлением. Тело Гриши требовало сна, потому я был вынужден усаживать его в темноту и давать возможность отдыха. А затем снова поднимался и продолжал свое потрясающее исследование. И заполнял пробелы. Все мои сны тут же подкидывали доказательства и терминов, потому я обучался очень быстро.

Люди все еще верят в богов, и главным из них стали Деньги – непохожие на старые монеты, а обычные бумажки или твердые прямоугольники. Этот бог всемогущ, все являются его последователями. Теперь и верность сюзерену, и вера в других богов, и монашеские обеты не были главным смыслом жизни. А я очень пластичен в таких вопросах – и стану самым яростным адептом любого бога, раз он не скупится со своими приверженцами и топчет все остальные религии.

Со временем обнаружился и другой бог – он назывался

Документами. Именно о них меня спросил хмурый мужчина – да таким тоном, будто он, а не я, здесь Древнее Зло. Я ответил что-то предельно внятное, но меня попытались удержать: на помощь хмурому мужчине прибежали еще несколько в такой же одежде. Я справился с ними за секунды, но есть не стал, хоть и очень хотелось. В этом теле мне было непривычно точно так же, как и в этом мире. Оно хотело другой пищи – и я обнаруживал ее остатки то в уличных урнах, то в торговых лотках. Купцы пытались меня поймать, да где уж им! Такие же неповоротливые, как и в мои времена. Удачи им отыскать вора при таком населении, где люди даже по улицам перемещаются волнами.

Так я и думал, пока не услышал крик от человека в форме: – Вон он! С ориентировки!

Убежать-то я убежал, но через некоторое время узнал и о третьем боге – невидимой воздушной Мобильной Связи между людьми. Через нее они могли общаться и даже передавать мой портрет. Не самая могущественная богиня в пантеоне, но очень вредная и вездесущая, ее нельзя игнорировать.

И тогда решил покинуть город. Хороший полководец всегда знает, когда требуется отступить. Но будущее меня не страшило, ведь я определился с дальнейшим. Я Гриша! Есть люди, которые знают меня как Гришу. Они примут и научат правильно молиться Деньгам, Документам и невидимой Связи. С моей обучаемостью я не проведу в их обществе

больше нескольких месяцев, а потом начну свое восхождение. Не вечно же Древнему Злу служить бульдозеристом.

Глава 1

– Если коэффициент корреляции стремится к нулю... если он только стремится нулю, то... Ну, можно порадоваться, что он вообще к чему-то стремится! О большинстве людей такого не скажешь. Но лучше все-таки стремиться не к нулю, а к чему-то более стоящему! Так, Любка, не отвлекаться, теория статистики сама себя не выучит!

Я бубнила себе под нос, но поглядывала на настенные часы радостно – всего лишь девять вечера, а я уже домываю последний этаж. А означает подобное, что сегодня я не только поесть успею, но и лекцию хорошо выучить. До зачета еще уйма времени, но сложность его прохождения сильно зависит от того, как работал в течение семестра. Статистика мне не то чтобы сложно давалась, просто физически не было времени сесть и тщательно разобраться во всех формулах.

О, сегодня же еще день рождения мамы! Надо не забыть позвонить и поздравить – поздравить-то я ее хотела, но опять придется врать. Мама так и не узнала, что кроме учебы я успеваю подрабатывать – и кем! Обычной уборщицей. У нее очень четко выставлены в голове приоритеты социальных ролей: будущий бухгалтер – это прекрасно, в настоящем уборщица – стоило ли покидать родное гнездо и мчаться поступать в столицу? Мыть полы я и дома могла научиться. Нельзя сказать, что денег на жизнь мне не хвата-

ло: родители высылали достаточную сумму, чтобы арендовать старую квартирку в пригородном поселке и жить не на грани голодных обмороков. Но пару месяцев назад я увидела эту вакансию – работа ненапряженная, после занятий я все равно чаще остаюсь в библиотеке, чтобы подготовиться к занятиям, так почему бы не задержаться в городе еще на пару часов и не подзаработать, убирая офисное крыло мармеладной фабрики? Но главную причину я так никому вслух и не афишировала – мне захотелось поработать уборщицей. Именно захотелось проводить так время и повторять материал в процессе. Все дело в моем тайном стремлении к порядку. Я именно потому выбрала специальность бухгалтера и замирала от счастливой мысли, что всю оставшуюся жизнь буду наводить порядок в цифрах. Но этого оказалось недостаточно. После поступления я долго не могла справиться с эмоциями: отчаянно скучала по родному дому, переживала из-за мелких ошибок в учебе, тяготилась отсутствием знакомых и друзей – одноклассники не в счет. И после того как устроилась уборщицей, сразу успокоилась: физически стало тяжелее, зато голова разгрузилась. Я будто бы волю своей истинной натуре дала, и ненужные переживания отступили. Признаться честно, я бы, возможно, вообще всю жизнь чем-то подобным и занималась – и радовалась бы каждому дню. Но кто-то до меня придумал социальные статусы и мнения родителей на этот счет...

Вернулась домой уже в одиннадцатом часу. Ноги гуде-

ли от усталости, а лекция по статистике все еще оставалась недоученной. К ней я и приступила – прямо за супчиком, который приготовила на выходных и теперь могла не тратить время на вареву. Супчика на весь материал не хватило, и через несколько минут я почувствовала, что руки требуют их чем-то занять. А почему бы не протереть пыль? Так и носилась по квартире с тряпочкой, одновременно обучаясь и не сидя на месте. И даже будто усваиваться стало легче. А что тетради мои постоянно в размытых пятнах от хватания мокрыми руками, – ничего, преподам до того и дела нет. Что еще добавить о моем характере?

Свое существование я теперь могла назвать сплошной радостью, хотя и очень уставала. Учеба шла неплохо, на работе меня завхоз хвалил за аккуратность – за всю работу я ни единой претензии не получила. И показательным был один эпизод, когда на прошлой неделе я простыла и позвонила с просьбой дать мне отгул.

– Что ты, Любонька! Выздоровливай! – ответил непосредственный начальник. – Тебе ли оправдываться? Если бы я проводил кастинг на работницу месяца, то тебе половину смен нужно б было прогулять, чтобы сдвинуться на вторую позицию!

Мне было приятно услышать подобное. Особенно на фоне разговоров других уборщиц, которые с придыханием рассказывали о жестоких местных распорядках: мол, тут директор – исчадие ада, вышвырнуть может за мелкую провин-

ность даже высококлассного специалиста, а таких, как мы, даже не увольняет – в окно выкидывает. Не знаю, насколько они преувеличивают, но на меня ни разу голос никто не повысил, а кошмарного, по рассказам, директора я даже не видела – на работу меня принимал завхоз, поначалу инструктировала старшая по смене, а потом и вовсе отстали. Кстати говоря, кабинет директора был самым хаотичным местом в офисе: всегда находились скомканные бумажки, не попавшие в урну, всегда вещи лежали не в идеальном порядке, – то есть мое самое любимое место.

Вот только на следующий день произошла странность. Обычно в офисном помещении я появлялась после завершения рабочего дня и сталкивалась только с задержавшимися сотрудниками. Но сегодня и на крыльце какая-то толпа собралась, и от многих кабинетов ключи еще не сдали. Да и атмосфера ощущалась взвинченной – все напряжены, бегло что-то обсуждают и шныряют туда-сюда. Я пожала плечами, переделась в униформу и отправилась сразу в административное крыло.

Я заглянула к секретарю, чтобы поздороваться и спросить, могу ли приступить. Ирина Ивановна как раз нередко засиживалась допоздна и была приветлива, если я ее не отвлекала сильно. Но приемная была открыта, а девушки на месте не оказалось. Я аккуратно приоткрыла дверь кабинета директора и убедилась, что и там собралась толпа. Передо мной спиной стоял мужчина – возможно, сам босс. В этом я

убедилась, когда услышала обращение:

– Григорий Алексеевич, сейчас здесь снимем, буквально на несколько вопросов ответите, потом панорамная съемка зданий, а уж в конце – на фабрику, там завтра закончим. Зрителям интереснее всего увидеть сам процесс изготовления мармелада. Выдохните, не волнуйтесь, вы должны выглядеть естественно.

– Да без проблем, чувак. Сам не начни волноваться, – странно, но очень мягко ответил директор.

Я за секунду успела многое увидеть – и людей, и бледную секретаршу, и камеры на штативах. Похоже, снимают целую программу про нашу фабрику, с чем я нас всех и поздравляю. А меня не предупредили – наверное, сегодня смену или отменят, или перенесут на более позднее время, если вообще уборщица каким-то образом может помешать.

От двери-то я отшатнулась, щетку-то к стене отставила, ведро-то подхватила, но сделать шаг на выход так и не смогла. Включила всю силу воли, даже ногу подняла, пытаюсь вытолкнуть ее вперед, но нога встала на место и попыталась снова развернуть тело к двери кабинета босса. Я много чего успела уловить, но самое главное теперь выкинуть из разума не смогла – на пиджаке Григория Алексеевича, прямо на рукаве прилипло перышко. Понятия не имею, зачем он в деловом костюме спать укладывался, но перышко торчало и теперь активно кушало мне сознание. Там куча народа! Целая съемочная группа – кто-нибудь обязательно заметит и

уберет! Нога, иди на выход, это не наше с тобой дело...

Но вся моя природа не могла принять этот факт. А если босс, уважаемый человек, попадет в телепрограмму в таком непотребном виде, то не стану ли я соучастницей этого бесчеловечного преступления? Ведь я знала! Знала – и прошла мимо. Сделала вид, что мне все равно, положила на чужую доброту, убедила себя, что кто-нибудь поможет бедной жертве, – и так запросто смогу с этим жить? И ладно бы там была мелкая пылинка – хотя и пылинка лишила бы меня сна на несколько ночей, но целое перо! Оно же торчит из ткани рукава как ядерная боеголовка!

И я выбрала быть человеком. Точнее, самой собой, поскольку вряд ли кто-то еще из людей такой ужас сразу заметил бы. Открыла дверь, решительно подошла и зацепила перо желтой резиновой перчаткой – для разоружения не было времени. Видела, что уже началась съемка, но это не самое плохое, что могло произойти, – переснимут. Однако мое действие вызвало шоковую паузу – и все уставились на меня. Я начала краснеть и растерянно показала боссу перышко. А гробовая тишина так и не собиралась меняться на что-то более жизненное.

Начальник оказался моложе, чем я предполагала, – возможно, лет тридцать пять, а для такой высокой должности это совсем немного. Темноволос, плечист, но не особенно привлекателен – почти бесцветные глаза добавляли лицу какой-то подчеркнутой невзрачности. А вот голос у него был

отменный – очень спокойный и мягкий, пробирающий глубиной:

– Что это?

Я вдруг поняла, что он вообще неправильно воспринял мое действие, потому быстро оправдалась:

– Это на вас было! А я... я не смогла пройти мимо!

– Я не у тебя, а у секретаря спрашиваю. Ира, что это?

– Уборщица, – отчеканила та, побледнев еще сильнее. – Краснова Любовь Сергеевна. Принята двенадцатого октября с вашей подписью на приказе, замечаний нет... – она чуть сбилась и добавила неуверенно: – До сих пор не было.

Я пораженно уставилась на нее. Она что же, про каждого сотрудника досье вызубрила?

– Понятно. И что «Краснова» – сразу видно, – отреагировал босс, все так же внимательно глядя на меня. А должен бы смотреть на перо! Ведь оно здесь весь состав преступления. И обратился опять непонятно к кому: – Почему мы все еще это наблюдаем? – Он подался чуть ко мне и проговорил вкрадчиво: – Ты же уборщица – так убирайся. Отсюда. Смердишь.

Ирина отмерла и бросилась ко мне, выталкивая из кабинета и приговаривая:

– Люба, ну ты тоже нашла время, в самом деле. Не волнуйся, он и не вспомнит. Он вообще никого, кроме меня, по имени не запоминает, а я оттого только страдаю... Но кадр-то какой получился! Да не трясись, ничего страшного, а ты

молодец, что не побоялась. Я вообще этот мусор на пиджаке не заметила! Потом увидел бы – убил бы точно, в самом прямом смысле. Давай, давай, они здесь скоро закончат, приступишь через полчаса.

Вообще-то, я очень побоялась, только страх меня настиг запоздало. И теперь действительно тряслась всем телом.

– Ирина Ивановна, он почему такой? – я не сдержала незрелого вопроса. – Почему говорил так, будто я вообще не человек?

– Забей, – отмахнулась она. – Характер у него сложный. У меня год за пять идет, седые волосы уже лезут, валидолом ужинаю. Я не собираюсь с тобой это обсуждать!

И быстро сбежала в кабинет – наверное, очень опасалась невольно начать обсуждать характер босса.

В тот вечер меня даже уборка не успокоила. Мне было обидно – откровенно обидно. И сразу все размышления матери о статусах вспомнились. «Большим людям» плевать, что ты выполняешь работу идеально, плевать, что тебя можно назначать образцом аккуратности, для них уборщица – мебель. Не вызывающая даже раздражения – просто табуретка, которая попала в поле зрения. Теперь и сплетни среди моих коллег не казались преувеличенными, они часто говорили, что директор с нам подобными не церемонится. Припомнились и эпитеты, которые приписывали боссу – теперь я уже не сомневалась, что он младшего юриста перед увольнением назвал дебилом, а рабочих фабрики неизменно кли-

чет «моими личными рабами».

Сейчас мне даже хотелось, чтобы из съемки этот кадр не вырезали – пусть зрители увидят, каков на самом деле владелец мармеладной фабрики. Да, он умен и предприимчив, вон как производство всего за пару лет развернул, но это не дает ему права быть таким козлом! Слезы обиды то и дело наворачивались, я, кажется, никогда еще не испытывала такой ненависти к конкретному человеку. И очень хотелось отомстить. Может, пыль на его столе не вытереть? Черт, нет, так я только себе отомщу, а этот засранец даже не заметит. Сразу видно, что мы с ним разные ветви эволюции – во всем проявляется! Да я физически не смогла бы отрезать скотч так криво, как делает он, будто зубами его отрывает. Но отомщу – на этот раз не буду перед уходом выравнивать край скотча, пусть подавится.

Глава 2

Уверена, мы – люди – все в чем-то похожи. Незаметные уборщицы эту похожесть часто замечают, вынужденные сталкиваться с самыми тайными проявлениями человеческих натур. Например, секретарь Ирина Ивановна, прекрасная молодая женщина, ест много конфет – ее урна всегда заполнена фантиками. То ли она таким образом стресс снимает, то ли взяла на себя миссию делать выручку всем столичным стоматологам. А вот замдиректора по закупкам, – большой чистюля и обожает своих внуков: у него везде можно обнаружить фотографии двух смеющихся мальчишек, очень на него похожих. Или юристы – о, юристы представляют собой особый тип людей – кичатся своими дипломами: там, где у других сотрудников висят фото жены или детей, у юристов размещены заламинированные дипломы. В отделе ай-тишников всегда хаос, а все полки забиты истрепанными справочниками. У замдиректора по рекламе в кабинете за чем-то хранится клюшка для гольфа, а начальница отдела кадров часто забывает выключать на ночь компьютер – и если при протирании пыли случайно дернуть мышку, то увидишь неизменное: она двадцатилетней давности на фоне моря. Должно быть, самый яркий кадр ее биографии или желание самой себе напомнить, какой красавицей она была. Все мы похожи тем, что ищем способ на секунду отвлечься от ра-

боты и, глянув в нужную сторону, напомнить себе о каком-то приятном эпизоде в жизни или достижении, ради которого и продолжаем рвать и метать. Если в каком-то месте мы проводим восемь часов ежедневно, то само это место неуловимо меняется – да хотя бы канцелярия становится не такой, как у остальных.

После неприятного инцидента я невольно отметила странность: кабинет генерального директора был начисто лишен личных тайн. Вообще ничего не говорило о его наклонностях, хобби или обычных предпочтениях: все слишком офисное, «закупочное», недешевое, но и не подчеркнуто дорогое. Через три смены это начало вызывать во мне любопытство, потому я не только навела уборку, но и просмотрела содержание всех шкафов – ни единой художественной книги, как ни единого справочника, ни даже папки с внутренней документацией, только то, что лежало на столе для подписи или просматривалось прямо сегодня. Я не настаиваю, что любой человек обязан в рабочее время перечитывать любимый детектив... но тем не менее, у всех остальных хоть что-то находилось. Не было здесь и запаса свежих рубашек, как у всех замдиректоров, ни единого фотоснимка – последнее я списала на то, что богатый и влиятельный человек может опасаться афишировать лица родных. Но как объяснить, что он не обзавелся компьютером? Неужели не возникает перед ним задач, которые решаются с помощью хотя бы ноутбука? Единственное, что в его кабинете вообще

выдавало присутствие жизни, – постоянный бардак на рабочем месте, как если бы Григорий Алексеевич обожал швыряться ручками и дыроколами, а о существовании блюдца под кружку с кофе не подозревал – и с особым удовольствием печатал коричневые кружочки на светлой поверхности. Это бы ничего, но я ведь видела: иногда следы попадали и на документы! Разумеется, в отделах ему замечание на этот счет не сделают, но как же меня самую раздражали подобные натуры!

Однако с тех пор сама личность директора меня заинтересовала. Я даже приезжала теперь на работу чуть раньше – меня, само собой, пропускали без вопросов как штатного сотрудника, и я, не переодеваясь в униформу, имела возможность гулять по коридорам и наблюдать за концом рабочего дня. Так хотелось еще раз глянуть на директора – лучше всего о-очень со стороны, но все же найти в нем нечто, после чего я с уверенностью назову его человеком – поганым, но человеком.

Мне не везло. Зато я застала несколько бесед возле курилки или шепотков в дамском туалете – судя по всему, Григория Алексеевича можно пока назвать только «поганым». Истерика начальницы отдела кадров была показательной – она даже не заметила моего появления, причитая при своих коллегах:

– Двадцать лет, двадцать лет я отдала этой работе! Ни одного нарекания, семь почетных грамот! И за что? За какую

такую ошибку меня можно старой крысой называть?! Была б ошибка – нет же! Я, оказывается, документ на десять секунд позже занесла! Не в девять ноль-ноль, а в девять ноль-ноль десять! Можно в такое вообще поверить?

Я долго мыла руки и поглядывала на нее через зеркало, но потом не удержалась и уточнила:

– Прошу прощения! Но разве фабрике двадцать лет? Я думала, что от силы два...

Женщина шмыгнула носом и не разозлилась на мою наглость – верный признак полной раздавленности:

– Нет же, фабрика давно открыта – еще при замечательном Николае Николаевиче, пусть земля ему будет пухом...

Остолбенеv от новой порции новостей, я отозвалась изменившимся голосом:

– В каком это смысле – пухом?

– Так вот, как раз два года назад у самого лучшего директора произошел инфаркт! – она вдруг сбавила тон и зашептала. – Я ни на что не намекаю, но Григорий Алексеевич тогда только пришел на производство, и – хоба! – начал неожиданно подниматься по карьерной лестнице. Хоба – и вот он уже партнер предприятия, хотя работал-то без году неделя. И, хоба, – женщина перешла на едва слышимые звуки, – у Николая Николаевича инфаркт, хотя ничего не предвещало беды. И сразу все изменилось – от названия до атмосферы!

Одна из девушек сложила руки на груди и покачала головой:

– Ага, Маргарита Семеновна, вы бы еще его в убийстве обвинили. Инфарктом, ага!

– Зря, Катерин, смеешься! Я никого не обвиняю! Но сами посудите – как будто весь мир способствовал куче совпадений!

– Которые остаются всего лишь совпадениями, – резюмировала рациональная Катерина. – Возьмите себя в руки, Маргарита Семеновна, и вспомните о своей зарплате. Или вы не знаете, что там, где хорошо платят, и работать сложно? Не за отличным настроением мы сюда приходим. И директор еще симпатичный... – она задумалась, подняв взгляд к потолку, и закончила: – Симпатичный богатый психопат, чтоб ему счастья в жизни не видать!

Маргарита Семеновна еще сильнее наклонилась, как будто и это движение понижало уровень звука:

– А вы знаете, что за полоска под трудовым соглашением? Я вам скажу – никакая это не полоска, а текст, написанный третьим кеглем! Сама писала, засунув совесть в двадцатилетний стаж работы! Мы все, дорогие мои, подписались, что не имеем права обращаться в суд за моральной компенсацией – он даже в контракте прописал, что каждую из нас может называть старыми крысами и идиотками, а если посмеем об этом заявить – так еще и штраф сверху получим!

Все, и я в том числе, ахнули, припоминая, что действительно какая-то полоска была, которая не попадает даже под совет «читай, что написано мелким шрифтом», потому что

там весь договор написан так мелко, что на четырнадцатой странице глаза слезятся. Похоже, начальник не только хам, но и прекрасно это осознает, раз юридически подстраховался.

Женские коллективы всегда остаются женскими – сплетни здесь неистребимы. Но уходя, я все же мысленно посочувствовала оставшимся: они вынуждены ради зарплаты терпеть оскорбления, словно у них вообще гордости нет!.. Хотя о чем это я? Со мной директор тоже приветлив не был, но я все еще не пишу заявление на увольнение – а у меня дома нет детей, которых надо кормить. Просто перетерпела, подзабыла, о той же самой зарплате вспомнила, прикинула, где еще такое теплое местечко разыщу... Искать причины в самих жертвах легко – но только до тех пор, пока сам на их месте не окажешься.

Я мало что узнала, кроме лишнего подтверждения – Григория Алексеевича ненавидят все. Благодарны за возможности, за достойную оплату труда, за реальный рост производства после его воцарения, но это не мешает им его ненавидеть. Я же постаралась себя убедить, что эти проблемы меня не касаются – не видела его два месяца, и в том же духе могу продолжать не видеть. Сама же ищу что-нибудь интересненькое, как будто смотрю триллер с маньяком в главной роли и собираюсь докопаться до самого его нутра!

Интерес мой потихоньку угас, раз подпитки ему не было. Я сдала первую сессию очень хорошо, и в зимние каникулы

подхватила смену другой уборщицы, которая решила провести выходные в кругу семьи. И именно тогда произошла новая внутриофисная катастрофа.

На входе в здание, сразу за вращающимися дверьми, я застала зареванную Ирину Ивановну – секретаршу нашего директора. Она несла коробку с вещами, сверху щедро посыпанными фантиками от конфет. Мне было неудобно спрашивать, да и должность ее находилась очень высоко от моей по вертикали. Но поскольку все вокруг начали делать вид, что ее не знают, Ирина обратилась ко мне – так ей, по всей видимости, требовалось излить боль:

– Уволил! – сообщила она без предисловий.

– За что? – я была вынуждена поддержать беседу, хотя и старое любопытство начало разгораться. – Ирина Ивановна, вы же всегда как белка в колесе! Кофе на полградуса холоднее подали?

– За просьбу об отгуле, – она вновь начала плакать. – Один отгул за все время! У меня свадьба в пятницу...

– Поздравляю, – я не придумала ничего умнее. Надо будет еще и про сочувствие куда-нибудь впендюрить, а то как-то негармонично выходит.

– Спасибо! – она только расходилась. – Я его и спрашиваю, могу ли в пятницу взять отгул из-за собственной свадьбы. Он мне – нет. Ну я тогда спрашиваю: а ничего, если я на часок убегу – в ЗАГС сбегаю и вернусь? А он мне снова – нет. Я ему тогда – а если на полчаса, найму скоростное

такси туда и обратно, или даже вертолет...

Я перебила, поскольку она пыталась перейти на бесконечное дробление времени:

– Я поняла вас, Ирина Ивановна. Это несправедливо. Я вам очень сочувствую! – Ну вот, теперь самое подходящее время.

Но она вдруг выпрямилась и глянула на меня удивленно:

– Сочувствуешь? Это из-за слез? Да я от радости! Сама бы не решилась, а как поняла, что назад дороги нет, так камень с души свалился! Это ж не работа, а филиал ада! Я теперь в нормальное место смогу устроиться! В семь нормальных мест – и то буду меньше трудиться, чем до сих пор! Я ж неба голубого за полгода ни разу не видела, я ж... О боже! Я высплусь! Теперь я не буду учить до утра тысячу ответов на его возможные вопросы! Я вспомню, как выглядит человек, за которого в пятницу выхожу замуж! Люба, Любонька, господи, я свобо-о-одна!

Она продолжала захлебываться восторгами и даже привлекла тем нескольких зрителей, но позади раздался голос:

– Ты до сих пор здесь? Я неясно выразился?

Все вздрогнули – голос был тихим, но по самой интонации ясно, кому принадлежал. Потому мы и замерли, вытянулись вверх, как brave солдаты, и перестали даже моргать. Сдуло с места только Ирину Ивановну – она просто впечаталась в крутящееся стекло и с невероятной силой протолкнула его наружу: возможные травмы не в счет, когда рвешься на сво-

боду.

Был конец рабочего дня, потому в холле первого этажа собралось довольно много народу. И никто из замерших не решался повторить акробатический трюк экс-секретарши с использованием посторонних предметов. Разве что я водила глазами слева направо и соображала, могу ли просто пройти и приступить к непосредственным обязанностям: моя смена начинается тогда, когда у других заканчивается.

Но шеф продолжил, давя к полу взглядом сразу всех собравшихся:

– Я ищу новую секретаршу. Старая приказала долго жить.

Как он странно про Ирину Ивановну высказался – вон же она, живая и здоровая, все ее видели. Но в начальственных устах ее увольнение прозвучало как исполненный смертный приговор. И тут из-под его локтя выглянула Маргарита Семеновна из отдела кадров и заискивающе затараторила:

– Подать объявление о вакансии, Григорий Алексеевич?

Надо же, а я-то была уверена, что она перед ним не собирается выслуживаться после ее истерики. Все-таки люди проявляют разные черты, когда обсуждают кого-то в женском туалете и когда этот кто-то стоит в непосредственной близости. Иногда до полной противоположности разные. И он ответил, не глядя на нее:

– А я, получается, обойдусь без секретаря? С вашей-то скоростью – пока объявление дадите, пока на него кто-то дельный отреагирует и соизволит притащить свою задницу

на собеседование? Давайте объявление, но так, чтобы я вообще отсутствие секретарши не заметил.

– Но... – Маргарита Семеновна одеревенела, однако придумала правильное направление разговора – просто слушать и исполнять, а не пытаться создать дружественную обстановку: – Как же это устроить, Григорий Алексеевич?

Показалось, что он коротко, но сокрушенно вздохнул. И ответил больше самому себе:

– Люди позабыли простые истины – если не можешь положить на алтарь быка, положи пока петуха. Авансом. Пока быка не добудешь.

Начальница отдела кадров начала заикаться:

– П-простите, Г-григорий Ал-лексеви... Не могу уловить вашу мысль. Я должна перевести на должность секретаря к-какого-нибудь петуха?

Теперь он чуть повернулся к ней, оценил взглядом с ног до головы, словно в уме прикидывал соответствие размерам:

– Нет, даже не мечтайте, – остальные так и не поняли, о чем она мечтала, включая саму Маргариту Семеновну. Зато он начал теперь так же прицельно вглядываться во всех людей по очереди и остановился на мужчине лет тридцати: – Во. Вы выглядите здоровым и полным сил. Будете моей секретаршей.

Мужчина выпучил глаза, но собрался и ответил решительно:

– С удовольствием. Бы. Хоть секретаршей, хоть быком.

Только я начальник информационного отдела. На мое место тоже петуха пока оформите?

Григорий Алексеевич слабо поморщился и кивнул:

– А, точно, я же вам сам собеседование проводил. Прекрасный специалист, выглядите съедобно, потому и сейчас заметил. М-да-а, жаль, что нельзя каких-нибудь рабынь из тюрьмы выкупить и приковать кандалами к рабочему месту – ни им отгулов, ни личного мнения. Бросаешь кусок хлеба, а они и тому рады.

Все натужно посмеялись, оценив шутку директора. Сам же он с серьезным видом искал новую жертву для алтаря. И вдруг взглядом выцепил меня. Наклонил голову набок, задумался, а потом произнес:

– Ты. Наглая уборщица, осмелившаяся опозорить меня при посторонних. Мне нравятся черные души – ты подходишь. Оформляйте.

Он-то как будто закончил, а меня от шока разобрал нервный смех. Это я-то черная душа? Главная чистюля во всей столице? И ответила довольно уверенно – все же я увольнения не боялась так сильно, как остальные:

– Спасибо, но нет.

– Почему нет? – он будто всерьез удивился. – Я ведь повышаю тебя на восемнадцать социальных статусов. Возгордись! Гордыня мне тоже по душе.

Я как представила себя на месте Ирины Ивановны, так чуть в голос не расхохоталась. Потому просто еще раз пока-

чала головой. Но на этом Григорий Алексеевич посчитал тему закрытой и просто пошел на выход:

– Все, у меня время грехопадений и непотребств. Решите тут как-нибудь между собой.

Уж чего я не ожидала, так того, что меня тут же окружают плотной толпой и заголосят то бухгалтерскими, то отделокадровскими голосами. Я даже не сразу сообразила, что меня уговаривают! Мол, чего мне стоит, посидеть неделечку – потерпеть маленечко. Зато все в итоге останутся живы и не уволены.

Но я отмахивалась:

– Да нет же! Маргарита Семеновна, не изображайте обморок, не поможет! Вы поймите, что у меня учеба – еще несколько дней каникул, а потом занятия с самого утра. Если бы я даже захотела, то никак не получится. А я еще и не хочу!

Маргарита Семеновна все-таки рухнула в обморок, я попыталась переступить через ее тело и убежать к своей непосредственной работе, но меня подхватили сразу за оба локтя, удерживая.

– Как вас зовут, милая девушка? – приторно нашептывал в ухо замдиректора по рекламе. – Это всего на несколько дней! Зато и опыт стрессоустойчивости получите, и немного денег заработаете – ставка-то другая!

– Любаша, – вот так ко мне впервые обращалась главный бухгалтер, – я тебе клятвенно обещаю выдать премию, если

продержишься до оформления нового секретаря! Из своего кармана выдам!

Маргарита Семеновна на полу открыла глаза и бодро закричала:

– И я выдам премию! Мне до пенсии семь лет осталось. Не губи, благодетельница! Всего пять дней – это максимум! За это время я отыщу какую-нибудь карьеристку, которая не читает мелкий шрифт!

Они наперебой озвучивали, по сколько кто может скинуться на мою премию, я невольно прикидывала в уме – неплохой заработок за пять дней. Уговаривали так, будто я была основой всеобщего мироздания. А человек я добрый и вежливый – мне было поперек горла отказывать сразу толпе людей. Но я знала правильное решение, потому все еще пыталась отговориться:

– Я бы с удовольствием, Маргарита Семеновна! Исключительно из уважения к вам! Но никак не получится, поймите же вы... Я даже кофе варить не умею, а печатаю одним пальцем! Во сколько рабочий день начинается – в девять? Так он меня завтра уволит на первой минуте десятого!

Маргарита Семеновна в моей речевке что-то свое услышала, молодецки подскочила на ноги и заголосила пуше прежнего:

– Кто не рискует, тот собирает вещички! Так, Миша! – она указала на начальника информационного отдела. – С тебя мастер-класс по пользованию программами! Светлан-

ка! – она обернулась к какой-то девушке. – С тебя лекция по управлению кофемашиной! Берем себя в руки, ребята, мы сегодня свернем гору!

Они синхронно обрадовались, а я оставалась единственной, проголосовавшей против:

– Сейчас?! У меня работа! Три этажа вымыть!

Но это никого с мысли не сбilo, а Маргарита Семеновна управляла как генерал:

– Экономисты – берете первый этаж! Юристы...

Самое поразительное, что никто с ней не спорил. Наоборот, радовались простому разрешению проблемы и уносились в разные стороны, друг у друга спрашивая, где взять тряпки и швабры. Поблизости не оказалось никого, кто оспорил бы такие странные приказы для дипломированных специалистов. Похоже, здесь все привыкли к вечному дурдому и начальнику-самодуру, каждый понимал, что вопрос надо закрывать любым способом, физически возможным. Какой кошмар... Здоровой такую обстановку точно не назовешь. Но чувство коллективизма налицо – они забывают о личном, когда объединяются против общего врага. А мне завтра этому общему врагу человечества кофе варить?

Глава 3

Или Светланка – мега-коуч мирового уровня, или наука управления кофемашиной не такая уж и сложная, но с кнопками я разобралась моментально, внимательнее слушая Михаила, натаскивающего меня на работу с документацией – он заверял: если не буду справляться, чтобы писала сразу ему по внутренней связи – помогут всем отделом. Признаться честно, меня разбирал хохот, вызванный этой всеобщей надеждой на удачу. Неужели они всерьез думают, что я здесь продержусь пять дней – после Ирины Ивановны, которая умела печатать правой ногой со скоростью двести знаков в минуту, пока левой рукой сортирует бумаги по папкам? Шефу она показалась недостаточно компетентной, то есть на замену он ждет как минимум группу японских сверхскоростных компьютеров на базе восьмиядерных процессоров. Я же ко всему происходящему серьезно относиться не могла, и очень скоро весь офис ждет колоссальный сюрприз – я лечу на улице, что для меня не катастрофа, а они снова впадают в тот же ужас. Вот только после моего опыта они уже никого из своих не смогут заставить оказаться на моем месте. Зато эту историю я определенно буду рассказывать своим внуками – если они уродятся с чувством юмора.

Однако настроение мне быстро подпортили – уже следующим утром. Я приехала за пятнадцать минут до начала ра-

бочего дня – юмор юмором, но природную ответственность никто не отменял. И прямо в коридоре меня схватили и уволокли в сторону.

Я визжала и отбивалась, как умела, вспоминая все прочитанные в интернете уроки самообороны. К сожалению, нигде не учат, как отбиваться сразу от десятков насильниц – обозленных, не ведающих страха и сострадания. Отдел кадров целиком, заручившись силовой поддержкой бухгалтерии, безо всяких предисловий распластал меня на столе Маргариты Семеновны и под аккомпанемент «убедительных аргументов» меня переодевал.

Я голос сорвала, пока с меня стаскивали джинсы и пялили узкую юбку. Даже женщинам я не собиралась демонстрировать свои трусики в горошек. Но их невозможно было остановить – они и футболку сменили на какую-то блузку! Не сразу я поняла, что одежду они берут прямо с себя – прикидывают подходящий размер и с радостью идут на неравный обмен. В итоге мне даже туфли какие-то подыскали – на высокой шпильке. А потом, под мои хриплые маты, руками приглаживали волосы и заверяли, какая же презентабельная из меня получилась секретарша – глаз не отвести!

– Больные! – сипела я, прорываясь на выход. Бежала бы быстрее, но ноги на шпильках подкашивались, а юбка здорово сокращала размер шага. – Козлы! Козлицы! Да вы здесь окончательно спятили! Найдите себе работу, где можно не терять человеческий облик!

Ответом мне была доброжелательная тишина и напутственное ободряющее мычание – в нем я расслышала, что все мною гордятся и все в меня верят. Хитрый приемчик, на самом деле. Психологи чертовы. Всегда можно облажаться, у каждого человека есть свобода облажаться... но когда в тебя так искренне верят, то становится как-то неудобно сдаться на первой же секунде.

Именно потому я и решила пока изображать, что стараюсь. Едва только директор появился в проеме, пролепетала – не слишком звонко, голос после визгов подводил:

– Доброе утро, Григорий Алексеевич! Кофе?

Голос у него всегда был спокойным, просто произносил он этим голосом дикие вещи:

– И тебе не сдохнуть до обеда, уборщица. Кофе. Восемь кружек.

– Сколько?! – изумилась я, полагая, что он шутит.

Но Григорий Алексеевич подался вперед и ткнул пальцем воздух в направлении моего лица:

– Никогда не переспрашивай. У меня, по-твоему, других дел нет, кроме как одно и то же повторять? Усекла, уборщица?

– Усекла, – признала я. – Меня, вообще-то, Любовью зовут.

– Любовью люди зовут все подряд – от места пристройства гениталий до сумасбродной привязанности к домашним питомцам. Нашла тоже повод гордиться.

Я несколько секунд переваривала его ответ, а потом бросила переваривать – для мозгов дороже – и отправилась к кофемашине. Восемь так восемь. Может, он все-таки зачахнет от избытка кофеина?

К сожалению, босс не прошел в свой кабинет – должно быть, хотел убедиться, не вышвырнуть ли меня с работы уже на первой кружке кофе. И вот от волнения я про вечернюю консультацию и забыла: то ли Светлана – самый плохой коуч на планете, то ли наука эта отнюдь не так проста. Я сразу догадалась об ошибке – по слишком густым и черным каплям. Они, строго говоря, были даже не каплями, а кусочками непроваренных молотых зерен, которые иногда слышно стучались о дно чашки. Интересно, если босс стоит за моей спиной, то он заметит, если я этот концентрат разбавлю водичкой из чайника?

Но к чайнику надо было развернуться. Григорий Алексеевич, вероятно, подумал, что готово, и выхватил у меня кружку. Нахмурился сильно и поинтересовался:

– Что это?

Я не растерялась – хотя бы потому, что здесь не было возможности для меня потеряться:

– Американо! – съязвила я. – По нижнетагильскому рецепту. А что, вы такой не любите?

Директор зачем-то продолжил шутку – под моим недоуменным взглядом он наклонил кружку и попробовал густую кашу. Похрустел там чем-то и задумчиво захмыкал.

– Не очень вкусно, горько, а я сладкое люблю.

Вот о том, что у нашего шефа великолепное чувство юмора, мне никто не сообщал! Мне с такими людьми все-таки проще – ну не может полный психопат так здорово шутить! Это осознание было приятным, расслабляющим. Нет ничего позитивнее, чем начать нашу работу с таких веселых аккордов! И я решила продолжать, раз до сих пор он поддерживал:

– Сахарком сверху посыпать? Так запросто! Получится и кофе, и каша – полноценный завтрак.

– Исполняй, уборщица, – распорядился он и все-таки шагнул к своей двери. – Вот такого нижнетагильского варева можно и четыре кружки. Так и знал, что предыдущая секретарша мне лапшу на уши вешала по поводу возможной крепости. Убить ее надо было, а не увольнять.

Минуты две после его ухода я стояла, разинув рот. Нет, шутит-то он смешно, но вот точно ли шутит? И кружку с попойным зельем зачем к себе потащил? Там собирается смотреть на нее и смеяться?

Я бы и до обеда так стояла, если бы не раздался гневный крик:

– Долго ждать, уборщица?

Ну, я постаралась в точности повторить рецептуру. Из четвертой кружки кофе вообще можно было только ложкой есть. Выставила на поднос и, стараясь не запнуться на коблуках, внесла в кабинет. Осмелилась заявить о своих правах, раз уж пока все еще остаюсь на работе:

– Уважаемый Григорий Алексеевич! Я вовсе не стесняюсь того, что уборщица. Но вам самому не кажется такое обращение странным? Я же на ближайшие пять дней ваша визитная карточка.

– И что? – он не отвлекся от просмотра документа.

– А то, что логичнее звать меня Любовью. Это мое имя. Как ваше – Григорий Алексеевич. Создание благоприятной атмосферы, как говорится!

– Как твое имя мешает моей атмосфере?

Он задавал какие-то уж совсем странно-философские вопросы. Наверное, все-таки не шутит. А меня разозлило такое пренебрежительное отношение, шеф его выпячивал, подчеркивал, будто бы просто использовал способ уязвить.

– Хорошо, – я пожала плечами. Выходить из себя – не по мне. Меня из себя здесь и без меня выкинут при первой же осечке. – Тогда и я вас буду звать по аналогии – начальником. Пусть все вокруг видят, что я ваша верная помощница! Уборщица и начальник уборщицы – как вам?

Он неожиданно заинтересовался, вскинул голову, посмотрел пристально, словно серьезно обдумывал сказанное:

– Но я начальник не только уборщиц... – выдал какой-то нелепый аргумент.

– Да, точно! Начальник уборщиц и мармелада. Мармеладный босс. О, мне надо было в креативный отдел на подработку устраиваться!

Вот сейчас заорет – обзовет тупой идиоткой и начнет сно-

ва доводить Маргариту Семеновну до инфаркта. Но он, вопреки ожиданиям, продолжил спокойно:

– Не надо называть меня мармеладным боссом, это как-то пошло, я такое в каком-то фильме видел с очень интересным сюжетом. Но смесь наглости и раболепства греет во мне самое нутро! Почему я раньше не потребовал, чтобы меня называли не этим глупым именем? Зови мармеладным властелином. Лучше без «мармеладного». Еще лучше, если будешь слегка кланяться на последнем слоге. Давай, потренируйся! Такое забытое чувство, что даже волнение одолевает.

М-де... И как Ирина Ивановна продержалась здесь столько времени? Вообще же непонятно, когда он шутит и где смеяться!

– Возвращаемся к предыдущим настройкам, – решила я внутреннюю дилемму. – Оставайтесь Григорием Алексеевичем. А я пять дней и «уборщицей» продержусь. Приятного аппетита.

В половине десятого начались визиты. Ну как визиты – перед приемной выстроилась очередь похлеще, чем в Мавзолей, все заглядывали, видели меня на месте, шумно выдыхали и проходили дальше, уступая место следующему посетителю. Я же с деловым видом исполняла роль всеобщего кумира – тыкала с большим размахом в клавиатуру указательным пальцем и не отвлекалась. О самом тексте не особенно заботилась – мне шеф никакого распоряжения не дал, помимо кофе. Зато сосредоточенному и горделивому обра-

зу мои движения добавляли секретарской харизмы. Я же в институте на бухгалтера учусь – мне всю оставшуюся жизнь придется изображать, что я постоянно работаю!

Потом шеф и дел каких-то накидал – унести бумаги, заполнить таблицу. Ничего особенно сложного, а при малейших затруднениях я обращалась по внутренней связи за советами. И справлялась! Стоит признать, что в какой-то момент заподозрила Ирину Ивановну в излишней мнительности. Да, начальник не из простых, хам и спорный юморист, но работа-то работается. К обеду я уже присоединилась к вереве всего офиса, что пять дней вполне способна просидеть на этом месте.

Около часа Григорий Алексеевич уехал на обед – у него была вечная резервация столика в одном ресторане, как мне сообщили. Вот только меня сразу потащили по отделам для сплетен и отчетов по криминальной ситуации в приемной. И я рассказывала – теперь было говорить намного легче:

– Да ничего особенного! Ноги только от этих ваших туфель болят. Кстати, а когда я могу получить свои кеды обратно?.. Эм-м, молчу-молчу, Маргарита Семеновна. Он вообще не кричал! За таблицу только поругался, но как-то странно: «Столбцы надо было выровнять по ширине – за такое непотребство я мечтаю порезать тебе горло тонким лезвием, чтобы ты три дня умирала. Но прощаю! Потому что очень сомневаюсь, что смогу найти кудесницу с нижнетагильской черной магией варева кофе. Иди, уборщица, живи дальше».

Да-да, так и сказал! Как думаете, может, его из КВН выгнали за странные шутки, вот он в мармеладные короли и подался? И теперь отыгрывается, что его талант не оценили. Это как с Гитлером случилось – не находите сходства?

Сходство многие находили, но меня поздравляли и хвалили. Маргарита Семеновна даже удочку издалека попыталась закинуть:

– Любонька, а может, ну его нафиг – объявление о вакансии? Останешься ты. Зачем тебе диплом при такой зарплате и в месте, где диплома не спросили? Я ж вчера от страха плела, что мгновенно новую секретаршу найду! Найти-то найду, но скажем прямо – не сразу такую, которая за целых четыре часа ни одной серьезной ошибки не совершит!

Но я ее осекла – и руку вскинула для обозначения серьезности:

– Пять дней! Уговор есть уговор. Да и не для меня такая работа. Интересно, пока осваиваюсь, но морального удовлетворения нет.

Радость моя оказалась преждевременной. После обеда начался какой-то кошмар – унеси-принеси и в двадцать секунд уложись. На третьей ходке я просто скинула туфли и шлепала ногами в капроновых колготках. Это босс никак не прокомментировал, а остальные сделали вид, что не заметили. Всем, включая директора и остальных, какая разница, в туфлях я или без мир спасаю? За первый послеобеденный час я получила три «идиотки», две «лентяйки», четырнадцать

«как можно не знать того сотрудника по имени? Я его сам, что ли, знать должен?» и одно «еще две чашки нижнетагильского, уборщица, я начинаю подозревать, что ты лучшее, что у меня было». Вот последнее звучало самой настоящей похвалой, и оно каким-то образом перекрыло предыдущее.

Однако кошмар был связан вовсе не со мной. К директору пришел мастер фабричного цеха – о чем-то тихо сообщил, и сквозь открытую дверь я слышала почти все: сначала об амортизации, потом о стоимости ремонта, и в конце давящим сипом, от которого даже у меня холодный пот по спине побежал:

– Что вы, тунейдцы, ручками не можете полторы тонны мармелада в обертку завернуть? Из-за такой мелочи, дармоеды, производство тормозить?

Мастера мне пришлось почти выносить из кабинета – он едва держался на ногах. А потом по приказу шефа вызывать производственного директора. И тогда я поняла, что мастеру еще повезло, он был мелкой сошкой, недостойной настоящего начальственного гнева. Последнему же досталось по полной программе – я даже толком не поняла, в чем именно была его вина, но каковой бы она ни была – пожилой мужчина просто не заслужил подобных эпитетов. У меня уши сворачивались, я испытывала жуткий стыд, словно сама в этом участие принимала: просто взяла человека, распяла на дыбе и измываюсь, наслаждаясь его мучениями. К концу речи, которую я по этическим соображениям даже приблизительно

не смогла бы привести в этом повествовании, меня попросту тошнило. Но когда из кабинета вышел мужчина и отвернувшись, скрывая от меня накатившие слезы, я не выдержала – забыла обо всех договоренностях, об ответственности и интересах третьих лиц. Забыла обо всем, потому что важнее было высказаться:

– Григорий Алексеевич! – я не собиралась кричать, но так уж вышло. – Что вы себе позволяете? Даже преступники так не выражаются... насколько я по фильмам знаю. Он же пожилой человек и высококлассный специалист! Ведь специалист, раз остается на своей должности?

Я сбавила тон, поскольку он не перебивал. Наоборот, внимательно слушал. И я продолжила менее уверенно – не из-за страха, бояться я перестала до того, как влетела в кабинет:

– Вы не переживаете, что он уволится? За какое время вы найдете профессионала его уровня?

– Не переживаю, – наконец-то ответил шеф. – В этом мире есть один бог, которому поклоняются все, – деньги. Сейчас он поноет, потом поноет перед женой, а потом глянет на банковский счет. Его зарплата на сто семьдесят процентов выше, чем получают на таких же должностях в среднем. И знаешь, что сделает? Явится завтра на работу в девять утра.

Его дурацкая логика в очередной раз меня обескуражила. Зато от спокойного голоса и я начала немного соображать:

– Да, деньги правят многими людьми, сложно спорить. Но почему вы сами не поклоняетесь этому, как вы назвали, бо-

гу?

– В каком это смысле? – заинтересовался босс. – Я богат.

– Но могли бы стать еще богаче! – я развела руками. – Например, если бы вы платили сотрудникам на пятьдесят процентов больше среднего уровня, но притом относились к ним по-человечески, они бы и так на вас работали. Зато какие колоссальные средства можно было сэкономить! Да вы б уже Кремль могли купить – обустроить под дачу!

– Зачем мне дача? На земле пахут крестьяне, а не я.

– Я не о том! – я отмахнулась от очередной неуместной шутки. – Сами же говорите – все молятся деньгам, а вы ими разбрасываетесь только потому, что вас мама вежливости не научила! Кстати, ваша мама в курсе, что породила?

– Вечная Тьма? – он задумался. – Была когда-то в курсе, но ей, разумеется, плевать.

О, он наверное из детского дома... Как-то я сразу не сообразила, а теперь ощутила свою бестактность. Хотя о какой тактичности можно говорить, когда пытаешься донести мысль до самого большого хамла на свете? Мне вещи можно собирать? А кеды точно отдадут?

Но Григорий Алексеевич остановил меня неожиданным:

– Вообще-то, мысль интересная: меняйся вместе с миром, если хочешь его завоевать. Я подумаю над этим. А пока иди, уборщица, там телефон в приемной звонит. Твое общество полезно для настроения, но бесполезно для работы.

Капец.

Он меня не уволил! И, если я все правильно помню, кажется, даже идиоткой не назвал.

Притом нес какую-то непроходимую чушь.

Капец.

Однако ж – и на этой мысли я начала улыбаться – первый день из пяти прожит!

Глава 4

Я оказалась в мире диковинных животных, но именно я здесь была инородным предметом, чуждым существом, случайно ломающим установленные порядки. И причина разницы между мной и всеми остальными сотрудниками мне сразу была ясна – я ничем не была привязана к этому месту и не собиралась всю оставшуюся до пенсии жизнь поклоняться безумному божеству – тьфу, в смысле, работать, конечно, на странного директора. Деньги лишними не бывают, я была рада подзаработать, но они не были решающим мотивом – даже в самом начале, когда я устраивалась уборщицей. Я просто отыскивала способ реализовывать свои наклонности и притом что-то зарабатывать, но если бы меня уволили, то даже глазом бы не повела – искала бы еще подобные вакансии и не вспомнила бы об этой потере. Но отсутствие этого малюсенького пункта в моей мотивации так сильно разнило меня со всеми остальными. Оно же накладывало неизгладимый отпечаток на все мое поведение. То есть я вежливая, ответственная и аккуратная, я готова ради более высоких целей пропустить мимо ушей несколько оскорблений, однако вряд ли я морально готова глотать все подряд – мне просто незачем.

И проявления моей чужеродности выплескивались сами собой – именно тогда, когда я забывалась и их не контроли-

ривала. Например, как вчера – когда я вдруг начала заступаться за замдиректора по производству, словно он сам был не способен или нуждался в моем заступничестве. И отсутствие ярости шефа в ответ еще сильнее ослабило пружину самоконтроля.

На следующий день ровно после третьей «ленивой идиотки» я вдруг решила, что хватит. Так и заявила:

– Хватит, Григорий Алексеевич. Все претензии к моей работе вы можете высказать иначе, без всех этих ваших грубостей! Или увольняйте – если вы меня сами уволите, то Маргарита Семеновна не сможет обвинить меня.

– Ты мне угрожаешь, уборщица? – спросил он.

– Прозвучало как угроза? – я задумалась. – Хм, странно. В моей голове это выглядело как план спасения... Вот если бы я заявила, что при следующем оскорблении сделаю вам кофе прямо на вашу голову, тогда да, это была бы угроза.

– Ты мне угрожаешь?! – он повторил, чуть повысив тон.

– Да нет же! – убеждала я. – А если и было дело, то только мысленно! Вы же не умеете читать мысли?

– К счастью, нет. Мысли людей похожи на кашу из эмоций, я бы спятил, если бы пытался в них разобраться. Но сейчас о тебе, а не обо мне. В первую встречу я принял тебя за наглую выскочку. Сейчас вижу, что ты агрессивная наглая выскочка. Сколько грехов мне предстоит еще открыть в человеке с такой невзрачной оболочкой?

Это было обидно. Я, может, и не мисс Россия, но и не та-

кая уж невзрачная! Потому ответила со злобным придыханием:

– Ни одного, Григорий Алексеевич! Вы даже в предыдущих двух ошиблись! Простите за бестактный вопрос... Хотя не прощайте – вижу, что в этом помещении вежливость лишняя. Вы Ирину Ивановну тоже постоянно идиоткой называли?

Он задумался:

– Нет, конечно. За годы ее работы я выявил сотню ее недостатков, потому называл по-разному. У меня богатый словарный запас.

– И она это терпела?! – возмутилась я, хотя уже перемолола это осознание в мыслях, но оно все еще шокировало. – Так я не буду! Понимаете? Просто не буду! Еще раз услышу нечто подобное – сразу же уволюсь. Ищите потом себе безмолвную девочку для битья без знания нижнетагильских рецептов!

– О-о, а это уже шантаж?

Возможно, мне показалось, но он на секунду улыбнулся. Запутал окончательно, сбил с толку и непонятно чему обрадовался. И потому я решила не спорить:

– Да, шантаж! Должен же у меня быть хоть один грешок!

– Хорошо, договорились. В смысле, я постараюсь.

– Серьезно? – я, разумеется, сразу не поверила и нахмурилась.

– Seriously.

– Но... предыдущего секретаря вы оскорбляли годами!

– Потому что она ни разу не заявила о своем праве, то есть ее все устраивало.

Я открыла рот от нового осознания. Неужели он действительно не понимает, что ее не устраивало? Что никого не устраивает? Но они молчат! Потому что... потому что им и в голову не приходит заявить о своем праве? Сумасшедший дом с главврачом в кресле босса.

Он выдернул меня из изумления продолжением:

– Я тщательно обдумал твою вчерашнюю схему и решил, что можно попытаться.

– Какую еще схему? – снова вылупилась на него я.

– О том, что при изменении атмосферы в коллективе я могу урезать всем зарплаты минимум на пятьдесят процентов, а они все равно будут рады мне служить, но уже без моральных издержек.

– Что?! Это я предложила?

– Именно. Только мне нужна будет небольшая помощь – я очень легко обучаюсь всему, но с учителем освоюсь быстрее. Ты будешь подсказывать мне все спорные моменты. Допустим, каким образом надо выстраивать диалог, чтобы собеседник не заметил, как я урезал ему зарплату?

– Что?! Это не так просто делается, Григорий Алексеевич! Дружественная атмосфера в коллективе выстраивается годами! И ее никак нельзя начинать с урезания окладов!

– У меня неограниченное время. Но с такой мелочью я

уложусь в неделю. Захлопни рот, уборщица, и свари две кружки своего кофе, – он сделал шаг к кабинету, но остановился и добавил: – Пожалуйста. Если тебя не очень затруднит.

– Неплохо, – отозвалась я бездумно. – А уборщицу потом из лексикона уберем... не все сразу.

Я, конечно, на бухгалтера учусь, но некоторые дисциплины у нас в институте не преподаются – например, я понятия не имею, что отвечать на некоторые вопросы. А они последовали уже после обеда:

– Любаша, что происходит? – истеричным шепотом орала на меня главбух. – Шеф пригрозил всем урезать зарплаты!

– Он не пригрозил... – едва слышно я оправдывалась себе под нос. – Вы ведь его знаете...

– То есть это просто злая шутка?! Тогда зачем он приказал сделать предварительную калькуляцию экономии на фонде заработной платы?!

Я попыталась целиком спрятаться от нее за монитором.

– Мне-то откуда знать? Я здесь пустое место, уборщица, на которую чужую блузку нацепили... Не кричите так, Елизавета Николаевна, он в кабинете.

– Разве я кричу?! – у нее получалось даже визжать при шепоте. – Не-ет, Любаша! Кричать я буду, когда мне зарплату сократят! Это за что же я столько страдала, а?! Я тебя вижу, ты не настолько худая, потому отвечай! Ты в курсе, что мне всего сорок семь? А выгляжу на шестьдесят! Меня ка-

пельницами с валерьянкой раз в неделю откачивают! Я как в колонии строгого режима срок мотаю – чтобы мне потом еще и оклад срезали?!

– Что вы... Я бы вам больше пятидесяти пяти не дала, – я отвечала, потому что женщине очень требовалась поддержка.

В этот момент директорская дверь открылась, и я в страхе подскочила на ноги. Только бы начальник не начал на ее вопрос отвечать, используя притом мое имя – мне тогда не жить. Весь офис так же, как скидывался на мою премию, не поспеет скинуться и на киллера для меня.

Но шеф остановился перед столом и привычно пригвоздил женщину к полу взглядом. Заговорил спокойно и как будто даже подбирал слова:

– Добрый день...

– Елизавета Николаевна, – подсказала я ему в спину.

– Добрый день, Елизавета Николаевна. Вы опять не работаете? Не слишком ли часто вы не работаете на работе? – он расслышал мою подсказку и послушно добавил: – Уважаемая.

Меня немного ободрило его стремление соблюдать правила общения, потому я разошлась, и он вторил мне своим спокойным и уверенным голосом:

– Дело в том, что вы прекрасный специалист, Елизавета Николаевна, которого я очень ценю. И с которого, безусловно, берут пример остальные.

Главбух наверняка мои шепотки слышала, но все равно опешила от такого речевого оборота, которого от нашего нелюбимого босса уж точно не ожидала:

– Григорий Алексеевич, вы... в порядке?

– Безусловно! – ответил он после того, как выслушал мою версию на этот счет – мол, «когда вы меня вообще в порядке видели?». И далее продолжил сам, тем самым демонстрируя, что действительно способен быстро обучаться: – С такими специалистами и я, и вся компания благоденствует. Спасибо за ваш вклад в дело, Елизавета Николаевна. Но все-таки будьте любезны вернуться к работе, чтобы так все и продолжалось.

– Я... я... конечно! – она вообще позабыла русский язык. – Извините! Больше такого не повторится!

– Что вы, уважаемая, – отмахнулся он, будто отпуская ее восвояси царственным жестом, и повернулся ко мне. Произнес на той же фальшивой ноте: – Хорошая работа, уборщица, я посмотрел документ. Но буду благодарен, если ты распечатаеть его еще в трех экземплярах.

– Ноу проблем, Григорий Алексеевич, – ответила я, стряхнув оцепенение. – А после такой просьбы хоть от руки перепишу, в четырех экземплярах!

– Не надо от руки, – остановил он порыв. – Настолько дерьмового почерка я за всю свою жизнь не видел.

– Григорий Алексеевич, – упрекнула я – уже больше по инерции.

– Слово «дерьмо» тоже нельзя? – он вскинул темные брови. – А как же я буду разговаривать теперь в ресторане?.. Ладно, уборщица. Твоя каллиграфия заставляет мои глаза кровоточить. Воспользуйся принтером, исключительно из милосердия. Да, так действительно звучит лучше! Благодарю.

Кому расскажешь – не поверят. Но я видела, что он действительно старается! Даже консультировался со мной перед визитом в фабричный цех. Уж не знаю, как он разговаривал там, но в конце дня мне сообщили, что сегодня четырнадцать раз вызывали скорую для кого-то из сотрудников – дескать, они выглядели здоровыми, но несли какую-то чушь про нашего босса. На пятнадцатом припадке врачей вызывать перестали – уже поняли, что проблема не в подчиненных, а с самим боссом что-то произошло. Это к нему бы санитаров пригласить! Но, конечно, на это никто не отважился.

Я же не знала, смеяться или плакать. Он за один день учудил какой-то невероятный прогресс, но воспринят этот прогресс был самым спорным образом: люди не оценили его неожиданную приветливость, а начали подозревать серьезный полет кукушки от владельца. Но это ничего – завтра-послезавтра распространится новость о сокращении зарплат. Сразу после того, как откачают первую пострадавшую – Елизавету Николаевну, которая все-таки сделает калькуляцию и запустит начало конца. Тогда и лучший повод для обсуждения появится.

Итак, второй рабочий день из пяти был прожит. Но в восемнадцать ноль-ноль он не закончился – сразу после отбытия босса из офиса мне пришлось выступать на внутренней конференции, куда пришло еще больше народа, чем когда меня уговаривали немного поработать секретаршей.

– Что с ним вообще происходит, Люба? – требовала ответа Маргарита Семеновна. – Это ты с ним сделала? Что ты подмешиваешь в кофе?

– Сахар, – мне пришлось устало отвечать. Я видела, что они жаждут ответов, и более того – подробной лекции обо всем, что здесь происходит. – Обычный сахар. Кстати, а вы замечали, сколько сладкого он ест? Может, он потому и выбрал такой бизнес?

– Не отвлекайся от темы! – выкрикнул кто-то из толпы. – И будь с нами честна! Нам лучше сразу уволиться или сначала отыскать себе политическое убежище?

Я вздохнула и выдала часть правды:

– Вы удивитесь, но я просто заявила ему, чтобы прекратил всех оскорблять. Представляете, ему никто подобного раньше не говорил! Я всего лишь об этом сказала – и он сразу услышал. Не чувствуете, где настоящий корень проблемы?

– В нем! – Они явно не поняли, на что я намекаю. – А может, он решил стать вежливым, чтобы снизить нам зарплату до прожиточного минимума?!

Вот и началась самая скользкая тема, мне оставалось только пожать плечами. Но лучшая защита – это нападение, по-

тому я атаковала:

– Не знаю! Но вот такой вопрос: а если вам немного понизят зарплату, но притом будут относиться по-человечески, что вы сделаете? Неужели начнете кричать, что лучше бы продолжал хамить?

Елизавета Николаевна использовала квартальный отчет как веер, но уже выглядела вполне живой и самой рациональной:

– А дело не в том, что будет дальше, Любаш, а в предыдущих издержках! Чтобы все это забыть, лично мне потребуется пара десятилетий! Ты Кейнса, что ли, не читала? Номинальная зарплата неэластична в сторону понижения! Иметь нас могут только через сокращение реальных доходов. Всю страну имеют сокращением реальной зарплаты, это даже воспринимается нормально, если не узнать случайно об инфляции, а наш – ишь! – придумал свой путь извращений, недоучка чертов! Но какой вежливый-то... я два часа от счастья в дамской комнате проревела...

Никакого Кейнса я не читала. Зато пока она переводила собравшимся мнение Кейнса о нашем боссе на русский язык, я попыталась прорваться к выходу. Но рядом со стеклянными воротами меня перехватили – видимо, не зря профессиональные охранники свою высокую зарплату получают... получали, в смысле. И перед тем, как отпустить на свободу, меня заставили поклясться перед всем коллективом, что уже завтра я непременно выясню, что такое странное за-

думал наш директор. Ну, я и поклялась:

– Это не входит в мои полномочия! Я тут вообще уборщица! Хотите, пыль вытру?

– Ты ведь постарайся, Любаша? – они завибрировали елейными голосами сразу с нескольких плоскостей ниже уровня моих глаз. – Люба-а-ашенька! Любонька Сергеевночка!

– Попробую, – обреченно заверила я.

Но этого было недостаточно:

– И попытаешься его переубедить, если он серьезно! Так же, как ты предыдущий вопрос уладила!

– Попробую, – я повторила совсем неуверенно. – Отпустите, люди добрые, мне еще до дома долго добираться – сначала на автобусе, потом на электричке...

– Ничего подобного! – осекла Маргарита Семеновна. – Андрей, подвезешь Любу? А с завтрашнего дня мы смены установим, кто нашу красоту до дома будет доставлять. Кстати, сразу нужен доброволец, кто ее завтра в офис привезет! Чего же наша дорогая Люба по всяким электричкам будет шастать?

Ответом ей был лес рук. Это не трудовой коллектив – это вышколенный отряд спецназовцев, готовых бросаться на амбразуры всеми грудями сразу.

– Что вы, не надо... – я отступала вместе с охранниками. – Да и зачем? Мне же всего три дня осталось!

– Надо, надо, – увещевала начальница отдела кадров. За-

тем добавила тихо, обращаясь уже не ко мне: – Андрей, запомни адрес, вдруг с пропиской не совпадает. А то что же мы, нашу красотулю и отыскать не сможем, если она простудится, проспиг или еще по каким-то причинам потеряется?

Потеряться у меня причины были. И уже предельно серьезные. Она все варианты просчитывает быстрее меня самой.

Глава 5

– Григорий Алексеевич, нельзя сокращать работникам зарплаты!

Эту фразу я репетировала полночи. Но гендиректор почти не отреагировал и продолжил смотреть в документы.

– Почему? Закон запрещает? – отозвался наконец-то.

– Нет! Но разве вы не читали Кейнса?!

– Впервые слышу. Если его экранизировали, то могу глянуть на перемотке. А так я обычно только ужасы и порно смотрю.

– Да я не о том! – я прервала неуместные признания, до которых мне не было дела. – Странно, что вы о нем не знаете – все про него знают! Он описал психологические феномены...

Босс перебил:

– Кейнс может запретить мне то, что не запрещает закон?

Этот мир не перестает радовать чудесами.

Вообще-то, в наличии логики ему не откажешь. Потому я просто повторила:

– Нельзя сокращать ставки сотрудникам!

– Тогда зачем мне вылизывать их задницы? В чем выгода?

– О... вы так для себя это называете? Я-то думала, что это называется элементарной вежливостью. Но выгода есть! Вы можете не повышать зарплаты в дальнейшем! – подумала и

добавила восторженно: – Годами!

– Не очень-то радостная новость, уборщица. Хотя совсем нерадостная. Не вижу в ней смысла.

– Работа на долгосрочную перспективу, Григорий Алексеевич. Я гуглила этого вашего Кейнса – потрясающий мужик! Он нам с вами ответы на все вопросы дает – люди не замечают падения реальных доходов...

На этот раз перебил он:

– Моего Кейнса? Послушай, уборщица, либо дави меня аргументами, как в прошлый раз, либо дуй работать.

Я бы на этом моменте сдалась, да только знала, что придется снова отчитываться – подчиненные этого человека неосознанно впитали его злость. А я тут, такая прекрасная, оказалась в центре всеобщих чаяний. Потому и продолжила давить аргументами, раз просит:

– Я прямо удивляюсь, Григорий Алексеевич, как вы с вашим характером с поставщиками договариваетесь? Тоже платите им намного больше рыночной цены?

– О, ты еще не в курсе, что изобрели интернет, уборщица? – парировал он. – Давно уже все договора можно пилить через Невидимую Сеть, – мне показалось, что он это произнес будто с уважением, как по имени кого-то назвал. – Я диктую, секретарь интерпретирует, и теперь это твоя работа – а ты все еще стоишь здесь.

– Во-от оно что, – понимающе протянула я. Видимо, в задачи Ирины Ивановны входили еще и переводы языка на-

чальника на человеческий. – Как вы все хорошо придумали, не подкопаешься... Но неужели не было никаких договоров, где требовалось ваше личное присутствие? И что возможные партнеры делали после фразы «в гробу я видал такое дерьмище, как ваше оборудование»?

Он неожиданно, как-то даже слишком резко отодвинул от себя бумаги и уставился на меня. После игры в гляделки спросил очень серьезно:

– Откуда ты знаешь, как в прошлом году проходили переговоры? Это коммерческая тайна! Я найду Иру и выпотрошу ее за открытие секретной информации.

Но я только отмахнулась:

– Что, я угадала? Видите, всего пару дней вас знаю, а уже могу дословно цитировать коммерческие тайны. Намекнуть, в чем проблема, Григорий Алексеевич?

– Не надо, – он нахмурился. – Я слишком умен, чтобы позволять смертным объяснять мне такие простые вещи. Похоже, я мог и не провалить несколько сделок, если бы ты уже тогда работала на меня.

– Я? Я-то здесь при чем? Вы, как вижу, даже с такими провалами успешны. И это, мягко говоря, очень странно. Сильно сомневаюсь, что директора каких-нибудь заводов стали бы с вами сотрудничать после такого подхода.

– Почему же? – он неожиданно мягко улыбнулся, словно вспомнил что-то приятное. – Кто-то думал, что я просто такой шутник. В ком-то удавалось отыскать низменные гре-

хи – не представляешь, какие чудеса творит пара ко всему готовых проституток или полтора литра элитного коньяка. И почти все забывали о моем характере, когда я начинал их шантажировать невинными проделками. У меня на каждого возможного партнера досье собрано, но жизнь никого ничему не учит – все новые и новые будущие коллеги по бизнесу попадают в мои греховные сети. А угрожаю я совсем на другом уровне, чем ты. У меня много талантов, но этот даже важнее способности разбираться в тысяче сортов мармелада.

– Вы сейчас преувеличиваете? – с надеждой уточнила я. – А то мне послышалось признание, что весь ваш бизнес основан на угрозах и шантаже.

– Да перестань, уборщица, все так делают.

– Не все... – я отозвалась, но совсем неуверенно. – Я думала, что давно так никакие вопросы не решаются...

– Напрасно. Я выбрал самое лучшее место для жизни! Здесь все говорят о падении нравственности, но когда доходит до дела, то никто не отказывается оказаться в первых рядах эту самую нравственность ронять. А я что? Я просто подкидываю им способы и использую это в своих интересах. Почти невинный овец в стаде.

– Но это же преступление!

– И ты теперь свидетель. Но я не боюсь. Поработаешь на меня месяц-другой – и не будешь сомневаться, что я тебя из-под земли достану, если только осмелишься выдать коммерческую тайну.

– Какой месяц? Мне три дня осталось, включая сегодняш- ний, – поправила я и поспешила к выходу. – Я уж молчу о том, что многие сделки можно было бы заключить запросто, если ни разу в переговорах не использовать слово «дерьми- ще». Пойду-ка я лучше, чтобы еще чего-нибудь случайно не узнать.

– Стоять, уборщица, – он заморозил меня окриком. – Бла- годарю тебя за желание помочь и сократить мои издержки. Я посчитаю, что дешевле: проститутки и частные детективы или мое переобучение. Искренне говорю спасибо. Выпиши там себе премию.

Я все-таки обернулась и выдавила себе под нос:

– Вы еще в свои расходы впишите визиты к психиатру. Ей- богу, он просто необходим. Будет вам вторым советчиком, а то я в одно лицо явно не справляюсь.

Шеф поднял руку и указал на меня пальцем, констатируя отрывисто:

– Наглая агрессивная выскочка, которая искренне желает помочь своему господину и потому не боится говорить даже то, что его может расстроить. Я тебя возвышу, уборщица, если продолжишь в том же духе.

Пальцем у виска я покрутила уже в приемной. А ведь внешне-то здоров, приятен, очень презентабелен. Но что у него там в голове происходит? Он же про наемных убийц не упоминал? Очень надеюсь, что нет, а то я не со всеми при- знаниями готова жить.

Я уже вообразила себе все причины его успеха – конкурентов убивает, а поставщиков запугивает. Однако чуть позже выяснила, что этим список его заслуг не ограничивается. Оказывается, он и хорошее что-то умеет, а точнее – является обладателем редкого таланта, который и открыл ему путь на потребительские рынки.

Об этом я узнала, когда уносила акты в производственный цех. Там меня перехватил мастер и даже провел небольшую экскурсию по конвейерным рядам.

– Каждый квартал новую линейку запускаем! – он кричал, чтобы в шуме его можно было слышать. – И все этот сукин сын – в смысле, уважаемый Григорий Алексеевич. Представляешь, он вчера передо мной извинился за последний срыв! Козел! А за тысячу предыдущих срывов кто извиняться будет?! Чтоб с ним самим все то произошло, что он мне обещал! Но, сука, талантливый, чего уж говорить.

– В чем? В оскорблениях? – не поняла я.

– В рецептуре, – изумил мастер. – Он как должность занял, почти всех технологов уволил. Теперь только сам рецепты утверждает – и, скажу я тебе, у него какой-то жуткий талант в этом вопросе. Видала кинцо про маньяка, который запаха все чуял? Так этот с ходу может назвать полный список ингредиентов и пути улучшения рецептов. Реклама рекламой, но если покупатель хоть раз наш мармелад попробовал, то других искать не будет.

– Что вы говорите, – я действительно пребывала в при-

ятном оцепенении – все-таки полезно узнать, что наше производство держится не только на преступной деятельности. Только почти сразу и ответ назрел: – А он точно туда наркоту не добавляет? Вот бы и ответ появился, почему покупатели так на его мармеладе сидят. Намного более логичный, чем такой редкий талант.

– Нет, девочка! Мы же тут на производстве все входные ресурсы видим. Это на самом деле продукт высочайшего качества – в кои-то веки в рекламе не врут.

И тут же, в подтверждение своих слов, вынул из кармана мармеладку, стянул с нее фантик и отправил в рот. А потом и мне горсть предложил, на дорожку до офиса. Я есть не стала – не люблю настолько сладкое. Заодно вспомнилась Ирина Ивановна – она вообще незримо стояла за моим плечом все последние дни – она как раз сластена, но пожирала килограммами леденцы совсем от другого производителя. То ли она знала то, чего не знают остальные, то ли это была ее форма молчаливого протеста против диктатуры босса. Я все же склонялась к последнему.

Прекрасным завершением третьего рабочего дня стало возвращение в офис директора, который уезжал на деловую встречу.

– Сделка подписана, уборщица! – оповестил он. – И без интернета! Еще раз благодарю.

Я уже заканчивала свою работу и распечатывала отчет, который мне девчонки из бухгалтерии помогли составить. Не

удержалась и спросила:

– Григорий Алексеевич, я очень извиняюсь, но меня просто распирает! Вы ведь не дурак... не в себе немного, но точно не дурак! Неужели до моих советов вам и в голову не приходило, что можно было вести дела по-другому? Ладно, допустим, вам прямо об этом не говорили, но это ж не настолько сложная наука.

– Приходило, – спокойно ответил он. – В самом начале пути. Но тогда я не справился с этой задачей – суть рвалась наружу, а мне нужно было питаться.

– Эм-м... питаться?

– Ну да. Чужой отрицательной энергией. И тогда я нашел способ и собственную суть кормить, и улаживать побочные эффекты. Но уже немного адаптировался. Твоя заслуга, уборщица, в том, что ты мне об этой задаче напомнила. Проси, чего хочешь!

После такого объяснения у меня назрела только одна просьба: «Дорогой Григорий Алексеевич, к психиатру! Немедленно! Это все, о чем я вас прошу!». Эта мысль перекрыла даже желание попросить перестать называть меня уборщицей с таким восторгом, как будто он произносит «достопочтимый канцлер императорского двора». Но произнесла я, вопреки всем разумным доводам, третье:

– Не урезайте сотрудникам зарплату, ради своего же блага. Но и не оскорбляйте их – считайте это тренировкой. Чтобы потом с контрагентами по привычке не сорваться.

– Договорились. И что мне за это будет?

– Вы не перестаете поражать, Григорий Алексеевич. Вы же сами разрешили просить все, чего хочу!

– И я пошел на эту сделку. Теперь твоя очередь. Так длительные отношения и строятся – ты мне, я тебе, ты мне.

Я просто закатила глаза вверх. Может, у него мозжечок с лобными долями местами перепутались? А мне только два дня осталось продержаться.

– Хорошо, – проговорила по слогам. – И чего же вы хотите?

– Пойдем в мой кабинет. Там хорошая звукоизоляция, если дверь закроем.

– Зачем? – испугалась я. Интересно, вот тот пункт, что мы потом не имеем права подавать иск о моральном ущербе, подразумевает и сексуальные домогательства?

– Я буду на тебя орать, а ты просто потерпишь. Полчаса, не больше. Но с непривычки меня может и разорвать на тысячу черных бесов. Москва не сразу строилась, как говорится.

– А-а, вон вы о чем... Кажется, я даже начинаю понимать вашу большую логику. Дурной для меня знак. Тогда давайте завтра, я беруши куплю. И орите потом, я все равно вас не услышу.

– Нет, так дело не пойдет, уборщица. Ты должна реагировать. Совсем прекрасно будет, если разревешься или захочешь выпрыгнуть в окно. Я не позволю тебе убиться, ведь очень тебя ценю.

Я уже закончила с документами, сложила аккуратно на край стола и направилась к шкафу, чтобы достать свою куртку. И отвечала уже устало, ощущая себя пациентом в той же самой палате:

– Я бы с удовольствием, Григорий Алексеевич, но нафиг не надо. Вам бы в людях разбираться так же, как в сортах мармелада. В общем, я пойду. А у вас, как я поняла, в проститутках много знакомых водится – накиньте сто семьдесят процентов к тарифу и орите, сколько влезет. Думаю, они и разревутся, если очень надо.

– Гениально, – выдохнул он. – Я обычно проституткок по другому назначению использовал, но почему бы и не расширить их функции?

– Вы меня только про то назначение не просвещайте, я вас умоляю. Я хоть и совершеннолетняя, но не настолько, чтобы всего вас мысленно объять. В общем, я пойду, до завтра и хорошего вечера!

– Подвезти, уборщица? Я уже года два как научился водить машину.

Предложение меня удивило до смеха:

– Спасибо, не надо. Там внизу целая компания мужчин с тем же желанием. Буду выбирать по выражению лица и марке авто, хотя ни черта не смыслю в марках авто.

– О, ты пользуешься такой популярностью? – он зачем-то шагал со мной рядом уже по коридору.

– С некоторых пор, – неопределенно ответила я. Но по-

том зачем-то добавила, припомнив, как он пытался меня уязвить: – Не все мою оболочку считают невзрачной!

– Вообще-то, я не удивлен. Ты невзрачна, но обладаешь такой черной душой, что в хитрости даже мне можешь советы давать. Мужчины обычно на подсознательном уровне выбирают таких стерв.

– Я стерва? – немного притормозила от возмущения. – Или вы все-таки решили меня вне кабинета достать без всякой звукоизоляции? Так не выйдет! Я, знаете ли, тоже за словом в карман не полезу – и могу вас такими нижнетагильскими матами покрыть, что вам мой кофе пенкой от латте покажется!

Он придержал меня за локоть и немного наклонился. У него, кстати говоря, глаза мутно-зеленые – какого-то неопределенного оттенка, но сейчас они будто слегка потемнели – странный визуальный эффект, возможно, от освещения.

– Уборщица, а по какому тарифу ты сможешь поработать проституткой, на которую можно поорать? Кажется, ты идеальна.

Это было уже слишком! Я выдернула локоть и зашипела на него, не сдерживая ярости. Вот только про маты я немного преувеличила, потому и слова подбирались плохо:

– Послушайте вы! Выбирайте выражения! Я вам не шлюха! Вы сами шлюха, раз всех такими же считаете!

– Спасибо, этот свой грех даже отрицать не могу. Еще претензии?

– Да пошли вы! В... анальное отверстие! И поглубже! И вообще, на абстрактном фаллосе я вертела все ваши оскорбления, ясно? Я провела многократный коитус с вашей матерью, хотя это технически невозможно! – сама услышала, как нелепо это звучит, и расстроилась: – Ох, блин, никогда не думала, что мама-филолог и папа-краевед такую дурную наследственность мне передадут – даже высказаться нормально не умею!

– Да нет, отлично прозвучало, оригинально, – одобрил босс.

– Тогда до завтра, – смиренно повторила я. – И не надо за мной идти, умоляю. А то мне перед вами не стыдно, а перед самой собой – очень.

Третий день отбывки в дурдоме закончился не на самой позитивной ноте, но я радовалась тому, что закончился. О, сколько нам открытий чудных готовят еще два дня, я уже даже предполагать боюсь.

Глава 6

И вдруг все тревоги закончились. Вот на полном серьезе. Григорий Алексеевич превратился в какого-то тактично-го джентльмена, от которого я ждала подвоха – но так его и не дождалась. Он абсолютно спокойно выдавал распоряжения, не сыпал оскорблениями и с остальными сотрудниками демонстрировал чудеса переобучения. На фоне того, что он согласился пока не снижать рабочим оклады, это выглядело прорывом. И я не без оснований вписывала этот прорыв в свои заслуги. Плохо то, что не без оснований и все работники вписали это в мои заслуги. Орден мне не предложили, но я и сама не дура – понимала, что так просто меня без ордена не отпустят.

Потому и требовала отчета теперь с Маргариты Семеновны:

– Нашли секретаря?

– Ищу, Любаша, ищу, – в пятый раз ответила она одно и то же.

– Кандидаты хоть есть? – я надавила.

– Полно! – фальшиво обрадовалась она. – А тебе не хотелось бы...

– Не хотелось! – отрезала я, без труда угадывая конец фразы. – Я вам больше скажу, Маргарита Семеновна, сейчас мое место действительно привлекательно. Лично я за весь сего-

дняшний день только улыбалась. Не ваши бы каблучки, так вообще сплошное наслаждение жизнью. Кстати говоря, Григорий Алексеевич, оказывается, очень приятный мужчина. Как директор, конечно, не подумайте чего хорошего. Распоряжения понятные и однозначные – исполняй не хочу. При ошибках не ругается, а просто говорит переделать. Может, Ирину Ивановну вернуть? Она же идеальный секретарь!

Начальница отдела кадров тяжело вздохнула:

– Уже пыталась, Любаш. Она трубку бросила, как только поняла, откуда звонят. Ты же понимаешь, что никто в твои рассказы так запросто не поверит. Даже мы сомневаемся, хотя и видим подтверждения... Инерция! Сложно спорить с законами физики!

Я не могла с ней не согласиться. В конце концов, мне тоже трансформация босса казалась какой-то неуместной и необъяснимой дикостью. Люди способны меняться в хорошую сторону, я в это верю, но никто не меняется кардинально за три дня! И чаще всего после такого оборота следует жестокий рецидив. Но лично меня это уже касаться не будет, потому я повторила строго, как заученный речитатив:

– Послезавтра у меня семестр начинается, Маргарита Семеновна. Здесь останусь в должности уборщицы. Но уволюсь, если вы только снова заведете свою волюнку. Потому сейчас я по-приятельски интересуюсь – есть кандидаты?

Вот теперь она покривилась и ответила более искреннее:

– Есть, конечно, Любаш. Я же только зарплату афиши-

рую, и ничего больше. Но выбор все равно сложный. Я никак не могу определиться, кого меньше жалко: выпускницу Гарварда или профессионала с тридцатилетним стажем работы. Молодую, образованную умницу, которая много лет вкалывала на учебе, или пожилую женщину, у которой за всю жизнь не было ни одного служебного замечания...

– А меня, получается, вообще было не жалко? – уточнила я.

– Жалко. Но иногда на алтарь надо принести одного петуха, чтобы все остальные петухи выжили.

Теперь я у виска покрутила прямо на ее глазах и констатировала:

– Ну хоть тенденция понятна – сначала шеф был не в себе, а потом он просто перекинул проказу на вас. Круговорот зла в природе. Но вы меня услышали, а я пойду еще порядок в документации проверю – пусть выпускнице Гарварда потом будет легче принять дела.

На выходе из кабинета я услышала:

– А, то есть ты ее выбрала? Ладно. Я тоже беспокоилась, что у женщины в возрасте уже не то здоровье!

Никого я не выбирала, но спорить не стала. Они меня тут каким-то светочем назначили и каждую оговорку ловят. Но вряд ли это мои проблемы.

Утром пятого дня молодая и очень привлекательная девушка со строгой прической безупречно прошла собеседование. Я, услышав одобрение начальника, потеряла руки. Но ко-

гда она поспешила оформлять документы, чтобы с завтрашнего дня засесть на мое место, я ее догнала в коридоре.

– Татьяна, подождите!

– Что такое? – она окинула меня холодным взглядом. То ли так просто выглядело с высоты ее роста, то ли я все-таки не казалась презентабельной в сравнении с ней.

– Поздравить вас хотела! – начала я издалека.

– Благодарю, – она красиво улыбнулась. – Но я и не сомневалась в успехе. Вы знаете, с каким восторгом приглашали меня на собеседование сюда?

– Догадываюсь, – я постаралась не поморщиться, представляя заискивающий тон Маргариты Семеновны. Продолжила увереннее: – И желаю вам большой удачи на этой должности!

От настоящего искреннего комплимента она немного расслабилась. И даже выглядеть стала проще и человечнее. Тон голоса немного понизила, разрешив себе немного любопытства:

– Простите за бестактный вопрос, а за что вас увольняют?

– Меня не увольняют. Я сама перехожу обратно в уборщицы! – произнесла это с огромной радостью, только потом догадалась, как это может звучать со стороны. И Татьяна подтвердила свой шок выпученными глазами и длинным «о-ох». Потому объяснила спешно: – Да нет, это не наказание, просто я еще учусь! Меня сюда на несколько дней впендюрили, пока нового петуха – тьфу, привязалось! – нового прекрас-

ного специалиста, как вы, не найдут. С чем вас от всей души и поздравляю!

– Спасибо, – неуверенно отозвалась она, но на меня начала смотреть как-то иначе.

Ну, может, выпускницам Гарварда как раз так и надо смотреть на уборщиц, я не в курсе. Но я заразилась страхом Маргариты Семеновны и потому вознамерилась подыграть коллективному интересу:

– Татьяна, вы после оформления зайдите ко мне ненадолго. Проведу вам инструктаж. В секретарских делах я и сама толком не разобралась, мне по многим вопросам помогали, но есть кое-что, что вы непременно должны знать. У нашего директора очень специфические вкусы...

Она как-то вытянулась, непонятно улыбнулась и бровь изящно изогнула. Явно неверно поняла, потому я добавила:

– Да нет, не в том, на что вы понадеялись! В кофе. Если это вообще можно назвать кофе... Короче, вы заходите, я научу!

Она не успела ответить, поскольку из приемной раздался голос Григория Алексеевича:

– Уборщица, ты опять на работе не работаешь?

– Что вы, – ответила я спокойно. – Если я даже не работаю, то всегда думаю о работе. И на том мне спасибо.

Подмигнула обескураженной Татьяне и поспешила обратно. В конце концов, я ответственно завершу этот день на приятной ноте.

Многое получилось сделать на приятной ноте, но отнюдь не завершить этот день. Перед обеденным перерывом босс остановился перед моим столом и заявил:

– Уважаемая уборщица! Скоро ты снова станешь для меня несуществующим человеком. В том смысле, что мы перестанем видеться, ведь я не бываю в офисе в то время, когда здесь убираются.

– Все верно, Григорий Алексеевич, – я не могла перестать улыбаться. – Последний денечек. Вы тоже радуетесь?

– Пока не определился. Но приглашаю тебя на совместный обед. Почему бы не отпраздновать, если можно отпраздновать?

Я несколько удивилась:

– Праздновать-то есть что, но думаете, это уместно? Все-таки вы гендиректор, а я... ну, вы сами постоянно напоминаете, кто я.

– Думаю, что правила соблюдают только те, кто не умеет их нарушать, – он абсолютно очаровательно улыбнулся. – Собирайся, у меня столик заказан.

Пожала плечами и не стала возражать. Он все еще странный, но по-детски искренний. Да и не приходилось мне еще обедать в столичных ресторанах, почему бы и не пережить такой опыт – особенно когда я уже ничем не рискую, а новую жертву как раз сейчас юридически оформляют на алтарь.

Машину он вел сам, и за это время я немного поседела. В обеденное время в центре города постоянно пробки, но ему

удавалось превышать скорость даже между заторами. Я не из пугливых, но такое вождение любого насторожит.

– Мы куда-то спешим, Григорий Алексеевич? – поинтересовалась нейтрально.

– Не беспокойся, уборщица, у меня безупречная реакция.

– Я-то не беспокоюсь. Но вокруг сотня водителей, которым это не объяснишь.

– Почему я должен кому-то что-то объяснять, если они ничего мне не дают взамен?

Я даже обрадовалась следующей пробке – в ней хочешь не хочешь, а газ до упора не выжмешь. И говорить можно спокойнее:

– Не им, а гаишникам. Полагаю, они всю зарплату окупают только с ваших штрафов.

Босс о чем-то задумался и сказал, словно отвечал на какой-то очень серьезный вопрос:

– Да, штрафы бывают. Но я решил, что эти издержки могу себе позволить. Дело в том, что вся моя природа требует полета – я будто сам разворачиваюсь, не выходя из тела. Вечерами выезжаю туда, где не так многолюдно и уже ни в чем себе не отказываю.

– Не хотела бы я попасться на пути вашей машины там, где вы себе ни в чем не отказываете.

– На моем пути вообще оказываться чревато, уборщица. Я же моральными дилеммами не ограничен. Но и на этот счет не беспокойся – я живу так, чтобы как можно реже привле-

кать внимание властей.

– Очень утешает.

Сам обед прошел примерно в том же забавном русле, где он бесконечно выражался непонятными метафорами. Блюда были роскошными – Григорий Алексеевич по моей просьбе сам заказал. И, признаюсь честно, ничего вкуснее я в жизни не пробовала. Но заодно и вспомнила:

– Мне говорили, что у вас какие-то неординарные вкусовые рецепторы – особый талант, который встречается крайне редко!

– Такой, как у меня, вообще больше не встречается, – нескромно ответил он. – Да, этот дар есть.

– А как он выявился? – мне было действительно интересно. – Вы где-то учились на дегустатора? Или это наследственность?

– Вряд ли. Видишь ли, уборщица, я изначально рожден с даром разбираться во всех человеческих грехах. Чревоугодие – только один из них. И я очень удачно придумал, как эту способность монетизировать.

– О-о, ну тогда нам всем повезло, что вы решили зарабатывать именно на чревоугодии, а не на чем-то еще. Раз вы сами упомянули, то не расскажете о своем детстве?

– Ты наглая, но это уже слишком, – упрекнул он неожиданно.

И я смутилась:

– Извините, не думала, что прозвучит неуместно. Я про-

сто на себя примеряю – мне ничего не стоит рассказать о семье или месте, где родилась. Хотите, расскажу?

– Вообще нет.

Такой ответ заставил меня усмехнуться. Зато салат вкусный – не зря сюда выбралась. Он тоже ел, но как-то совсем немного – больше ковырялся вилкой. Фигуру, наверное, бережет. Хотя такую фигуру не грех и побережь. Просто забавно видеть подобное в исполнении мужчины. Или сыт? Но он до обеда жрал только мой кофе – наверное, очень калорийное мессиво.

И вдруг он зачем-то начал отвечать на вопрос, который я посчитала закрытым:

– Я родился так давно, что вообще не помню те времена.

– Никто не помнит, как он родился, – я едва не рассмеялась. – А «давно» – это лет тридцать назад? Или целых тридцать пять?!

Сарказм прозвучал открыто, и мне действительно было смешно. Он же вдруг тоже улыбнулся – возможно, отреагировал на мою попытку сдержать смех.

– Да. Плюс-минус.

– Спасибо за откровенность, Григорий Алексеевич. Я из этой неформальной беседы узнала о вас столько много ничего нового! Вы всегда скрытный, или это я лезу не в свое дело?

– Я скрытный, и ты лезешь не в свое дело. Но самым наглым представителям рода человеческого это позволительно.

Что еще тебя интересует из того, что ты не знала?

Я даже про роскошное рагу позабыла и с улыбкой развела руками. И почему его все так боялись? Он просто выражается странно, но совершенно неагрессивен в ответ на прямолинейность! И, раз позволил, спросила:

– Вы женаты? Вы не носите обручальное кольцо, хотя так все мужчины делают, которые разбираются в человеческих грехах.

Он смотрел на меня пристально, но в глазах без труда читался смех.

– Зачем тебе ответ на этот вопрос? Хочешь стать моей женой, раз смогла стать секретаршей?

– Нет, конечно! – я содрогнулась. – Просто интересно знать, существует ли в мире такая уникальная женщина, которая ждет вас дома.

– Мне тоже интересно знать, существует ли в мире женщина, которая будет ждать меня дома, возвращающегося всегда в сопровождении пяти других женщин.

Я вначале рассмеялась, но осеклась, предположив, что он не шутит:

– Неужели сразу пяти?

– Плюс-минус.

– И всегда разных?!

– Не знаю точно. Я не всегда их запоминаю.

– О-о, – я протянула, но уважительно не получилось. –

Чувствую, как жизнь проходит мимо меня.

– Это можно легко изменить. Что ты делаешь сегодня вечером?

Теперь я все-таки расхохоталась – ну шутит же, очевидно! Притом довольно смешно, если успевать распознавать юмор.

– Нет, увольте! Хотя вы уже. Только сегодняшней день осталось доработать.

Он немного наклонился вперед, и мне снова показалось, что мутно-зеленые глаза потемнели. Кстати говоря, ему карий шел бы намного больше. Или вообще ярко-желтый, если не красный. Вот никому бы красный не пошел, а ему – как-то даже легко представилось. Наверное, тип внешности такой необычный, вот подсознание и дорисовывает совсем нестандартные детали.

– Уборщица, а может, ну ее, эту работу? Закажем хорошего вина, останемся здесь и еще поболтаем.

– Заманчиво! – сыронизировала я. – Особенно после ваших признаний, как вы досье на конкурентов собираете. Я вам не конкурент, и досье на меня получится не самым интересным, но иммунная система уже насторожилась. Да и надо же вашу Татьяну научить варить кофе!

– Мою кого?

– Секретаря нового.

– А, конечно. Обязательно научи ее варить кофе, я почему-то сам об этом и не подумал.

Я припомнила Татьяну и ее не слишком приятный взгляд в мою сторону, но обсуждать это в присутствии работода-

теля, конечно, не собиралась. Потому сказала среднее, что нельзя отнести к неприязни:

– Вам она понравилась на собеседовании? Такая образованная, деловая, стильная. Вообще крутая!

– Вообще крутым в моей фирме буду только я – отныне и во веки веков. Нельзя двум хищникам жить на одной территории. А она не хищница, хотя сама убеждена в обратном. Она просто готова на все. Уже завтра после обеда она залезет под стол и сделает мне минет.

Я вскинула ладонь, прерывая:

– Избавьте меня от таких подробностей, ради бога!

– Ради которого из богов? – он непринужденно улыбался. – Я веду к тому, что по-настоящему сильный человек не готов на все – он делает только то, чего сам хочет, и лишь временно терпит некоторые издержки ради цели. Если уж и есть в моем подчинении зубастая нечисть, так это ты.

– Я?!

– Конечно. Захотела показаться на видеосъемке – показалась. Захотелось стать секретаршей – стала. Надоело – вернулась в уборщицы. Не понравились оскорбления – начала шантажировать и угрожать. Всех вокруг заставила теми же угрозами служить тебе – думаешь, я не знаю, что все отчеты тебе составляли другие?

Я немного смутилась:

– Все было не совсем так, Григорий Алексеевич. Но рада знать, что хотя бы с вашей стороны выглядело так. В действи-

тельности-то, это совсем не я заставила всех помогать мне, а вы. Я достаточно тонко намекнула или надо поподробнее?

– Тогда и я тонко намекну: если мы подружмся и продолжим общение, то когда-то ты станешь настоящим монстром. Не то чтобы я мечтал вырастить себе конкурента, но на самом деле я немного скучаю из-за того, что давно не встречал настоящей конкуренции.

– Упаси меня институт! – я отодвинула тарелку. – Григорий Алексеевич, еда здесь прекрасная. Чего нельзя сказать о нашем разговоре.

Он не стал уговаривать и позвал официанта, чтобы принес счет.

– Хорошо, тогда в офис. В конце концов, дела действительно нужно делать по расписанию. Они тогда идут лучше.

Я опомнилась:

– Ой, а можно я на автобусе?

– Зря опасаясь, уборщица. У меня идеальная реакция. Потому если я захочу тебя убить, то сделаю это иным способом – не таким, которому найдутся свидетели.

– Инфарктом? – не удержалась я.

– Не в твоём случае. Или очень небыстро.

– Утешает!

– Утешайся. Из меня вообще плохой утешитель. Но на качестве мармелада это не отражается.

С этим сложно спорить. Он стал вежливым и почти тактичным, но какая-то козлиная сущность все равно наружу

лезет. Если это все юмор, то очень черный, не каждому по зубам. С другой стороны, я признала, что разговаривать с ним по-человечески вполне можно и в некотором смысле интересно. Много ли на свете настолько необычных людей? И они должны быть – для внесения в мир потрясений.

Инструктаж для Татьяны возле кофемашины я провела. Но она вообще перестала разговаривать и пыталась прожечь мое плечо презрительным взглядом. А после долгой паузы выдала:

– Я поняла, это зависть! Тебя вышвырнули с должности, но я-то здесь при чем?

– Да он серьезно пьет только такой и очень хвалит! И никакой зависти нет! – чуть было не добавила, что ей тут коллективно все сочувствуют и уж точно никто не мечтает очутиться на ее месте.

Попыталась убедить, но безрезультатно. Потом плюнула и попрощалась. В конце концов, это уже не мои сложности. И если ее завтра случайно доведут до инфаркта – не моя вина, я сделала все возможное.

В конце дня заглянула в кабинет директора, куда незадолго до того вошла главбух. Я хотела передать все дела в идеальном состоянии, и как раз было бы неплохо, если и Елизавета Николаевна еще раз окинет их взглядом. Стучаться и не думала, вообще в голову не пришло, поскольку по необходимости и если не проходила встреча с посторонними людьми, всегда так делала. И застала кошмарную сцену, которая за-

ставила меня вылететь в приемную, бросить папки на стол и оставить должность на десять минут раньше, чем я рассчитывала.

Пока ехала домой в электричке – желающие меня подвезти отчего-то возле входа закончились – вспоминала с содроганием и анализировала. Первым объяснением, вызвавшим как раз подобную реакцию, было начало сцены для взрослых. Уж слишком интимная поза: директор держал пожилую женщину в руках, а она изогнулась, как в старинных фильмах, приоткрыв рот и ожидая страстного поцелуя. Отвращение не заставило себя долго ждать – про нашего директора я была готова думать сколь угодно плохо, но такая же мысль о Елизавете Николаевне в голове не умещалась. Она же замужем, серьезная и зрелая женщина! Кейнса вон читала, которого, кроме нее, никто не читал! И она точно не из тех, кто готов на все.

Но поостыв, я соображала лучше и вспоминала четче. Что-то в той сцене было не так, какая-то несостыковка, которая будто перечеркивала первое объяснение. Уже через полчаса странность осозналась: Елизавета Николаевна даже если и была готова на все, то в любом случае при моем появлении вскрикнула бы, как-то дернулась, испугалась, что их застукали. Просто рефлексивно, это нельзя контролировать! Даже шеф глянул на меня и слегка вздрогнул. Но женщина словно пребывала в беспробудном трансе, она так и замерла в своей позе с широко открытым ртом. Я во все готова по-

верить, в том числе и в то, что солидная женщина поддалась греху похоти, но только не в то, что она вообще не отреагировала на мое появление.

Завтра сразу после института рвану в офис – то ли написать заявление на увольнение, то ли лично убедиться, что Елизавета Николаевна жива и здорова. Почему-то я очень в этом сомневалась, как будто все шутки нашего директора вдруг перестали казаться совсем уж шутками.

Глава 7

Но Елизавета Николаевна все еще существовала и все еще имела силы удивляться:

– Люба, а ты зачем здесь в такую рань? Соскучилась по дневному графику работы?

Пришлось поглядывать на нее искоса и отыскивать какие-нибудь признаки смущения после вчерашнего, а по ходу дела придумывать разумное объяснение:

– У меня завтра смена. А я просто по пути из института зашла. За пять дней привыкла видеть вас всех постоянно.

– А-а, переживаешь, как новенькая секретарша прижилась? – поняла другая сотрудница бухгалтерии. – По тебе сразу видно, что очень ответственная, не можешь уйти и не оглянуться.

– Именно! – Я без приглашения заняла свободный стул. – Кстати, как она прижилась?

– Пока непонятно, – Елизавета Николаевна пожала плечами. – Она не ты и не Иринка – с такими, как мы, впечатлениями не делится. Но, кажется, Татьяна прекрасный специалист!

– Сучка высокомерная, – выдохнуло хором у меня за спиной, отчего я усмехнулась.

– Выбирай слова, Регина! – главбух каким-то образом сразу распознала инициатора и повторила с нажимом: – Пре-

красный специалист!

– На безрыбье и рак рыба, – отозвался кто-то уже не Регининым голосом.

В общем, ситуация была понятна – руководители счастливы, что мое место не пусто, а простые смертные невольно отмечают, что новенькая секретарша немного отличается от доброжелательной и приветливой Ирины Ивановны и от совсем-рубахи-парня – меня. Но это, конечно, мелочи. В конце концов, у них и сам директор не настолько уж обычный человек, чтобы ему под нос совать обычную помощницу.

Меня же беспокоило другое намного сильнее – вчерашняя сцена, которую я так и не могла себе окончательно объяснить. И Елизавета Николаевна очень успешно делала вид, что вообще ни о чем спорном не помнит. Потому пришлось намекнуть:

– Извините, Елизавета Николаевна, что вчера не попрощалась, когда вас в кабинете шефа застала.

– В кабинете? – она очень правдоподобно нахмурилась. – А, да, я же ему приказ на подпись заносила, ты за это время ушла. Ничего страшного, Люба, как будто я не понимаю, как ты рвалась убежать с должности.

Я приблизила к ней лицо, не разрывая зрительного контакта. Все верно, ей и следует от этого взгляда напрячься и задуматься о своем поведении. И, разумеется, я поднажала:

– Я не попрощалась из-за растерянности. Так меня удивило... к-хм... то, что вы там делали.

Она взгляд почему-то не отводила и так же прожигала меня, как если бы именно я обязана была немедленно объясниться:

– Приказ подписывала? И точно, столько лет работаю, а такой ужас в первый раз провернула. На этой неделе. Люба, мне кажется, или ты к чему-то клонишь?

Что ж, видимо, все-таки растеряться придется мне. Я поморгала – картинка не изменилась. Но женщина еще и сама какую-то нелепицу в оправдание выдумала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.